

An impressionistic painting of a sunset or sunrise over a sea. The sky is filled with soft, textured clouds in shades of blue, teal, and white. The sea below is rendered in warm, vibrant colors of orange, red, and yellow, with visible brushstrokes. In the background, dark, silhouetted mountains rise against the horizon. The overall mood is serene and atmospheric.

Камчатский рубеж

Максим Мозжжерин

Максим Мозжжерин
Камчатский рубеж

«Автор»

2024

Мозжжерин М.

Камчатский рубеж / М. Мозжжерин — «Автор», 2024

Мозжжерин Максим Витальевич родился в городе Хабаровске в семье военного моряка в 1961 году. Волею судьбы в детском возрасте вместе с семьей по новому назначению службы отца попал на Камчатку. Живя в военном гарнизоне, учась в средней школе, общаясь со своими сверстниками разных национальностей, в том числе и коряками и камчадалами, увлекся изучением истории этого края. В школьные годы и последующие любовь к Камчатке, суровому, но красивому краю, только усиливалось. В 1975 году книга «Петропавловский бой» Г.И. Щедрина произвела огромное впечатление и вызвала интерес к изучению истории Отечества. В 1992 году в Царском Селе создал первую в новой России кадетскую школу. С 1986 года по настоящее время автор увлеченно занимается реконструкцией русского военного мундира XIX века. Эта книга — дань уважения защитникам Отечества, народам, населяющим этот удивительный край, труженикам моря и суши, живущим на этой земле.

© Мозжжерин М., 2024

© Автор, 2024

Максим Можжерин

Камчатский рубеж

Глава 1. ТРОФЕИ

Машина прыгала по асфальту и бросалась из стороны в сторону, двигаясь по федеральной дороге, идущей по Ленинградской области.

– Взять бы за одно место чиновника, отвечающего за эту раздолбанную дорогу, и протащить его по всей трассе туда и обратно! – бубнил про себя Федор. – Подвеска у машины не вечная, – продолжал он все больше и больше злиться и на дорогу, и на всех чиновников, и на то, что платит налоги, а получается все впустую.

Невдалеке показался заветный поворот.

– Славу Богу! – мысленно сказал он. – Сейчас на проселочную дорогу, а там уже и наше место.

По обочине лесной дороги шли охотники, то поодиночке, то целыми группами и даже с детьми.

– Не охота, а пикник какой-то! – усмехнулся Федор, нажав на педаль газа.

Машина въехала на поляну, остановившись возле многолетней березы. Ствол дерева был настолько мощным, что при попытке обхватить его не хватило бы обеих рук человека. Зеленая крона березы возвышалась над всеми рядом растущими деревьями. Поляна представляла собой круг, разорванный с одной стороны, с другой стороны начиналось болото, где они и собирались поставить лагерь.

Село, находившееся рядом, называлось Черноушево. Откуда появилось это название, никто толком не знал. Говорили, что название происходило от названия болота, имевшего форму уха. В сухие и в жаркие дни случались пожары: горели торфяники и лес. Местная легенда гласила: «Горело так, что страшно было, сплошной стеной шел огонь, пожирая все на своем пути, сельчане убегали из этих мест, спасая свои жизни и скарб, но проходило время, и люди возвращались обратно, на месте сгоревшего леса осталось черное пепелище, посреди которого образовалось болото в виде человеческого уха».

Заселение этих мест было древним, еще до прихода царя Петра I здесь уже жили люди, занимавшиеся охотой, рыболовством, торговлей, так что легенда о происхождении села вполне правдоподобна.

В советские времена село Черноушево Ленинградской области представляло собой очень сильное хозяйство: люди осушали болота под пашни, сеяли рожь, лен, разные кормовые культуры, занимались свиноводством и птицеводством. Село процветало. В начале девяностых все развалилось: молодые уехали, остались только старики. С каждым годом село все больше приходило в упадок, но, несмотря на его нынешний убогий вид, эти места облюбовали охотники.

В лесах и на болоте водилась разная дичь: тетерева, кулики, утки, гуси, делавшие стоянки на полях. Все это жило и пело, перекликаясь и переливаясь разными голосами.

Пришла весна 2000-го. Весна была ранней: в марте растаял снег, в апреле начала пробиваться первая зелень. Вот и сейчас, к открытию охотничьего сезона, лес заметно позеленел и набирался сил после зимней спячки.

«Солнце печет, как летом, явно что-то с природой не в порядке», – подумал Федор, заглушая мотор, и, вытащив ключ из замка зажигания, легонько толкнул рукой в плечо своего брата Алексея, который дремал рядом. Обернувшись назад, где на сиденье, посапывая, спали Вика и Света, он крикнул:

– Все, приехали. Подъем!

В салоне началось оживление. Алексей вышел из машины и с наслаждением вдыхал лесной воздух.

– Помоги! – крикнул брат, копясь уже в багажнике джипа; вытаскивая мешки и рюкзаки, он бросал их на землю.

– Девчонки, мы сейчас с Лехой костер соорудим и палатки поставим, ну а вы на стол соберите что-нибудь поесть. Ужинать будем вечером, когда вернемся с болота, – сказал Федор деловито.

Света и Вика нехотя вышли из машины, потягиваясь и зевая.

– Тоже мне командир нашелся, – промолвила недовольная Вика.

Установив палатки и перенеся вещи, каждый в свою, Алексей и Федор занялись костром. Недалеко прогремели ружейные выстрелы.

– А охотников в этот раз – как муравьев в муравейнике: и с детьми, и с бабами, как мы... не охота, а слет комсомола, как в старые советские времена, – сказал раздраженно Федор.

– Наша дичь не улетит, – ответил Алексей, разжигая костер.

Костер разгорелся, и Федор, подойдя к Алексею, сказал:

– Ну вот вроде бы и все, брат. Давай посмотрим, что у нас там с патронами.

Ребята ушли каждый к своей палатке. Вытащив рюкзаки, они стали доставать из них коробки с патронами и класть их на землю.

– Ого! Ты что, решил отстреливаться от врагов? – спросил с усмешкой Федор, глядя, как Алексей все раскладывал и раскладывал патроны.

– Выберем, что подойдет для дичи, а остальное отстреляем по бутылкам, это набралось за несколько лет, за два или три года, – сказал как бы в свое оправдание Алексей.

Федор проверил свой гладкоствольный карабин «Сайга» и, пристегнув к нему магазин, передернул затвор и поставил на предохранитель.

– Ну, как ты? – спросил он у Алексея.

– Сейчас, – ответил Леха, застегивая ремешок патронташа.

Накинув на плечо свое ружье ТОЗ-34, Алексей догнал брата, идущего в сторону болота.

– Взял сеть? – спросил Федор, не поворачивая головы.

– Вот она.

– Тогда вперед!

Вечерело, солнце спускалось за горизонт, отблески его лучей еще освещали окрестности леса.

– Поставим маскировочную сеть, а там уже и дичь полетит. Душно, безветренно, хоть бы дождь пошел, но на небе ни облачка, – говорил Федор недовольно. На его крупном лице появились полоски пота, которые стекали как маленькие ручейки. Смахнув пот, он остановился: – Пришли.

Засидка с последней весенней охоты годичной давности не изменилась. Маленькая скамеечка стояла на месте, только болотная вода просачивалась сквозь кочки, на которых она была вбита. Братья были обуты в сапоги и не замечали этого неудобства. На маленьком клочке суши посреди болота, где сейчас они находились, росли две березки. Растянув маскировочную сеть, Алексей и Федор натянули ее и прицепили за стволы деревьев.

– Обойди сзади, посмотри, не видно ли, – сказал Федор.

Алексей вышел из укрытия и, обойдя засидку, пригнулся и еще раз посмотрел.

– Все в порядке! – сказал он, присаживаясь на скамейку рядом с братом, вынул из пачки сигарету и, закулив ее, задал вопрос, который давно не давал ему покоя: – Послушай, Федя, я все хотел тебя спросить, на хрена ты взял девчонок?

Федор посмотрел на брата, прищурился хитро глаза, и ответил с иронией:

– Не помешают, да и Вику надо знать, лучше взять ее с собой, чем ей отказать. – Он улыбнулся

«Да, ее надо было знать, – подумал про себя Алексей, – та еще стерва!»

Вика, состоявшаяся дама во всех отношениях, красивая и циничная брюнетка, привыкшая решать все вопросы жестко, владела сетью парфюмерных магазинов. С учебой у нее не заладилось: отучившись три года в педагогическом институте, она поняла, что это не для нее, и решила посвятить себя торговому делу. Шли годы, в бизнесе у нее все получалось, только вот с личной жизнью никак. Вике, как и Светке, было тридцать девять лет, только ее подруга закончила медицинский институт и работала хирургом в одной из клиник Санкт-Петербурга. Они дружили со школьной скамьи и считались лучшими подружками. Вопрос о создании семьи и желание иметь детей все больше и больше выступал на первое место. Все мужчины, которые знали Вику, немного опасались ее за вздорный и резкий характер, да и годы работы в бизнесе накладывали свой отпечаток на ее отношение к людям и к жизни в целом. Всегда решая свои проблемы сама, ни на кого не надеясь, она грубела душой и, зная об этом, не могла ничего изменить. Как-то на девичнике она, расслабившись от выпитого спиртного, разрыдалась на груди своей подруги.

– Смотри, – говорила она, – все при мне: и лицо, и ноги, и фигура! Так нет же, что этим мужикам еще надо, разве это нормально?! Нет, подавай им душу, – продолжала она. – Козлы они все!

Светка рассказала об этом случае Алексею после того, как он резко отозвался о Вике после очередной совместной вечеринки. Было это полгода назад. Алексею казалось, что отношения между Федором и Викторией нечестные, лживые, и это его еще больше злило.

«В конце концов, это дело брата, сам разберется, не маленький», – думал Алексей.

Размышления Алексея прервал Федор.

– Ну и что мы такие серьезные? – с присущей ему иронией спросил он.

– Да так, думал о том, что тебя тянет к этой сумасшедшей? – ответил Алексей.

– Ты имеешь в виду Вику? – спросил Федор.

– Ну, а кого же еще? – пробубнил про себя Алексей.

– Да, вопрос интересный, ты ведь знаешь, сколько мне лет, все думал, погуляю немного – и все. Сорок лет для мужика – это поздноватое для создания семьи. Ходил по морям и океанам коком на судах, девок много было, но годы проходят, как бы не опоздать запрыгнуть в последний вагон, – улыбнулся Федор. – У тебя ведь был опыт семейной жизни, как-никак и детей имеешь, вот и я хочу семью, детей, да еще посмотреть, как они вырастут, школу закончат. Правда вопрос чувствую твой, – Федя улыбнулся, – по поводу Вики: чем такая стерва притягивает меня? Так это просто, братишка! Такие своенравные мне всегда нравились! Да и сам знаешь, у нас скандалы только по поводу того, когда я предложу ей выйти за меня замуж! Но у меня пока планов таких нет, вот и бесится она, не обращай внимания!

Федор положил на колени карабин, сняв его с предохранителя. Последние лучи уходящего солнца отблесками озаряли верхушки деревьев.

– Что обо мне-то? Давай о тебе поговорим, – продолжил брат.

Алексей почувствовал, как его лицо покраснело.

– Ну что, ты обо мне сам все знаешь.

– А я в толк не возьму, сколько ты Светку будешь мучить, чай не мальчик!

– Да ладно тебе! – обиженно сказал Алексей.

– Мы знакомы почти год с девчонками, только ты ходишь как по башке треснутый и к Светлане подойти как мужик уже не можешь, и всему виной твоя странная нерешительность. Вы ходите в кино, театры, музеи, а дальше этого ничего не происходит. Все проще, брат мой! – продолжал давать советы Федя. – У тебя будет сегодня шанс, не упusti! – Он расхохотался. – Да ладно тебе, не обижайся, Леха, просто я удивляюсь: мужику сорок пять, а ведешь себя как подросток!

Видя, что Алексей начинает злиться, Федор похлопал брата по плечу.

– Не сердись! – сказал он. – Делай, как знаешь.

Лес погрузился в ночную темноту, только напротив засидки на фоне светлого вечернего неба показалась пара уток, летевших одна впереди другой.

– Тихо, летят! – прошептал Федор. – Моя первая.

«Ну, раз твоя первая, моя вторая», – подумал Алексей.

Пара шла прямо на их укрытие. Ба-бах-х-х! Ба-бах-х-х! – раздались ружейные выстрелы. Ух-х! Ух-х! – отозвалось эхо на весь лес. Утки – сначала одна, потом с секундным интервалом другая, – последний раз взмахнув крыльями, начали падать камнем вниз. Заметив, куда упала птица, Алексей пошел к месту падения, включив фонарик и, направив луч света, обнаружил свой трофей. Взяв утку и положив ее в рюкзак, пошел к брату.

– Ну что, нашел?! – крикнул он в темноту.

– Да темно здесь, – ответил недовольным голосом Федор, – посвети мне!

Алексей направил свет в сторону темного силуэта человека, который искал утку.

– Вот моя красавица! – обрадованно воскликнул Федор.

Только подойдя ближе, Алексей увидел, как в оцепенении брат смотрит на свою широкую ладонь, на которой лежит утка.

– Смотри, что за хрень какая-то! – сказал он взволнованно.

Только сейчас Алексей увидел, что птица была пробита насквозь стрелой. В одном боку торчало оперенье, из другого выходил наконечник.

– Ну, что ты скажешь на это? Какие будут версии? – спросил Федор.

Алексей пожал плечами.

– Какие версии? Сегодня видел, сколько народа, может, кто и с арбалетом охотится, – ответил он.

– Может, ты и прав, ладно, идем в лагерь, что-то есть хочется, да и девчонки заждались, наверное, – сказал Федор, и, положив вторую утку в рюкзак, охотники направились к базе.

Веселье и шум были слышны издалека.

– Первый и последний раз беру баб на охоту! – сказал Федор и сплюнул на землю.

Девчонки включили фары машины, и на поляне было светло, как днем, музыка лилась из динамиков магнитолы.

– Я смотрю, вы освоились, – подходя к столу, сказал Федор.

– Ой, мальчики пришли! – пролепетала Вика. – Принесли что-нибудь?

– Принесли! – ответил Федор раздраженно. – Завтра приготовьте похлебку, что ли!

– Приготовим, приготовим! – продолжала лепетать уже слегка подвыпившая Вика. – Приготовим и спать уложим! – Она посмотрела на подругу.

– Конечно уложим! – ответила та, улыбаясь.

– Ой, девчонки, вы, по-моему, уже пьяные, может, повремените пока с алкоголем? – сказал с ехидцей Федор. – Леха, давай к столу!

Алексей снял рюкзак, вытащил уток и положил их на землю около стола, ружье прислонил к березе. Подсев к Светке, он посмотрел на стол, вернее, на то, что на нем было.

«И когда брат успел все закупить, да еще в таком количестве?» – усмехнувшись, подумал Алексей. Стол ломился от яств. Здесь были и ветчина, и нарезанная кусками буженина, разные колбасы, красная рыба, сыр, белый хлеб, фрукты – все это разложено по тарелкам. Заканчивалась вся эта красота пакетами сока, банками пива и литровой бутылкой виски. «Любит Федор во всем изыск, но это у него еще осталось с моря, когда он ходил коком», – продолжал рассуждать про себя Алексей. Налив себе и брату по полстакана виски и газировки известной фирмы, Федор посмотрел на Вику, налил и ей.

– Предлагаю выпить за первые трофеи!

Прозвучали одобрителный шум и звук чоканья стаканов. Все выпили.

Закусив долькой лимона и куском буженины, Федор сказал:

– Леха, дай-ка мне стрелу, сейчас посмотрим, что это такое.

Алексей поднял стрелу, которая лежала возле уток:

– Держи.

Федор долго рассматривал стрелу, проводил древком по своей ладони, трогал пальцами наконечник, разглядывал оперенье.

– Да, без бутылки здесь не разобраться, плесни балтийцу! – сказал он.

Выпив налитое, он опять взялся за свое занятие, что-то про себя бормоча, продолжая внимательно изучать стрелу. Судя по сигналу, прозвучавшему в динамиках магнитолы, было уже двенадцать ночи, за разговорами и выпивкой время пролетало быстро.

– Феденька, я пошла спать, – пролепетала Вика уже опьяневшим голосом.

– Подожди, я с тобой! – сказал Федор, поднимаясь из-за стола. – Ладно, вы недолго, молодежь, сидите, завтра на болото! – сказал он, улыбаясь.

Ночь была теплой, на небе, как на вышитом золотом ковре, мерцали ярким светом звезды и светила луна.

Света взяла Лешкину ладонь и положила на нее свою:

– Лешенька, мой милый Лешенька, как я счастлива!

Алексей смотрел на нее, и ему хотелось сказать что-то весомое в ответ, нежное и важное, но язык предательски застыл, как примороженный.

– Ты у меня самый хороший! – продолжала говорить Светка, прижимаясь к нему и что-то шепча тихо и ласково. – Но мне немного тревожно на душе, – продолжала она шептать, – может, потому, что я люблю тебя, а ты так долго не можешь сказать, как ты относишься ко мне. Хотя я всегда чувствовала, что ты меня любишь, только почему-то об этом не говоришь, стесняешься, наверное? – Сказав это, она поцеловала Алексея, оторопевшего от такого признания.

Он улыбнулся, ему стало хорошо и спокойно. Ночь была удивительной, и даже история с трофеем брата казалась мелкой по сравнению с тем, что творилось в душе Алексея.

– Я пойду, а ты не засиживайся, ладно? – сказала Светка и, чмокнув его в губы, направилась к палатке.

Глава 2. ВИЗИТ НЕЗНАКОМЦА

Утро выдалось солнечным. Легкий теплый ветерок обдувал своей свежестью поляну, на которой располагался лагерь. Лес просыпался от ночного сна. Света уже суетилась возле стола, расставляя чашки для чая и нарезая бутерброды, раскладывала их на тарелки. Поставив чайник на стол и нарезав лимон, она села на раскладной стульчик. На костре в котле варились утки.

«И когда она успела распотрошить, ощипать? Молодец!» – подумал Алексей, проходя мимо костра.

Подсев к Алексею, Светка поцеловала его и, сказав: «Сейчас будем завтракать!», налила из чайника кипяток в чашки, положив туда по пакетик чай и долька лимона.

– Как тебе спалось сегодня? – улыбаясь, спросила она.

Светка знала, что ни Алексей, ни она сама не спали почти до утра, пока шум, крики и брань Федора из соседней палатки не прекратились с рассветом.

– Хорошо спалось – ответил он, зевая.

Сделав пару глотков горячего чая, Алексей взял бутерброд с сыром.

– Леша, возьми меня на болото, а то скучно без тебя.

– Ладно, думаю, брат не будет возражать – ответил он и мысленно представил, как Федор возмущается, вспоминая всех и вся, и от этого ему стало смешно, он представил мимику и гримасы брата. – Давай завтракать, а то чай остынет.

Федор выполз из палатки, как медведь из берлоги, вид у него был помятый, уже была заметна щетина на лице, и всклокоченные волосы, торчащие в разные стороны, делали его смешным, но надо было знать Федора, поскольку сон для него был вторым удовольствием после еды. Он был зол.

– Сейчас позавтракаем и пойдем, – сказал Федор охрипшим голосом, подходя к столу.

– А можно я с вами? – пролепетала Света.

– А... ладно, иди – сказал Федор, махнув рукой. – Что поделывать, раз взял вас.

Быстро перекусив, он подхватил ружье, которое стояло возле березы.

– Ну что, идем?

До болота компания добралась быстро. Солнце вставало из-за горизонта, чувствовалось, что день будет жарким. Федор остановился, взял бинокль, который висел у него на шее, посмотрел в него.

– Что за клоун на болоте, да еще возле засидки? – сказал он, сплюнув на землю. – На, посмотри. – Он отдал бинокль Алексею.

Прильнув к окулярам бинокля, Алексей увидел странного мужика невысокого роста, который, опираясь на шест, прыгал с кочки на кочку; почувствовав, что за ним наблюдают, незнакомец стал удаляться, пока не скрылся на противоположной окраине леса.

– Ну, что ты скажешь, жара не по сезону, только конец апреля, а температура плюс двадцать пять. Когда такое было? Зелень по пояс, болото подсохло, листья на деревьях распустились, как в июне, что творится? Не понятно, – продолжал возмущаться Федор. – Да еще бомжи мешают охоте, что за хрень!

Все понимали его возмущение, вернее, его настроение. Сначала бессонная ночь, потом жара, которая действительно, как он говорил, не по сезону; при его тучности и лишних килограммах все это выводило Федора из себя. Он шел впереди, и его тяжелый ход чувствовался в движениях.

– Наверное, это глобальное потепление, – сказала Светка, – раз что-то творится неладное с природой.

– Да, наверное – ответил Федор, немного успокоившись.

Просидев на засидке до двенадцати часов дня, компания вернулась ни с чем. То ли утка, напуганная выстрелами, не хотела летать, то ли жировалась на полях, но ничего из дичи и рядом не было около укрытия, как будто вымерло все. Второй день охоты ничего существенного не дал, кроме пары вальдшнепов, взятых вечером Федором на окраине леса.

1853 год, Кронштадт

Офицер российского Его Императорского Величества военно-морского флота неспеша направлялся в сторону портовой гавани. Шел август месяц, и день обещал быть жарким. Вспоминая весь вчерашний день, капитан-лейтенант все серьезнее осознавал задачу, поставленную ему и команде фрегата «Аврора». Государь самолично приехал в Адмиралтейство и выдал указ, долго говорил о войне, которая непременно будет, о роли России и участии в ней. Да и военное министерство не скрывало, что счет идет на месяцы, слабая Турция непременно обратится за помощью к Англии и Франции, только где их совместная эскадра встретит русские корабли – вот вопрос, на который он не мог ответить. Есть приказ о том, чтобы «Авроре» с корветом «Наварен» усилить дальневосточную эскадру вице-адмирала Путятина.

Все должно быть скрытно, без сигнальных огней, говорилось в приказе. Фрегат «Аврора» считался современным в российском флоте, несмотря на то, что пришло время паровых машин и кораблей из металла. Экипаж был подготовлен к любым военным баталиям: укомплектованный и хорошо обученный, он мог в любое время выйти в море.

«Непременно выходить надо сегодня!» – думал он, проходя мимо кораблей, стоявших у причалов. На палубе матросы занимались всякой работой, кто драил палубу, кто занимался такелажем. Шла обычная флотская жизнь, и никто не догадывался, что скоро, очень скоро

их судьба круто изменится, впрочем как и его. Подходя к трапу корабля, офицер услышал, как на фрегате засвистела боцманская дудка. Все вытянулись в струну. Находящиеся на фрегате офицеры, отдавая честь, стояли не шелохнувшись, пока дежурный офицер докладывал прибывшему рослому и крепкому морскому офицеру рапорт о состоянии корабля и экипажа; услышав в ответ: «Вольно!», все так же оживилось, как и прежде. Это был командир фрегата «Аврора» капитан-лейтенант Изыльментьев Иван Николаевич, сорока лет от роду, сделавший блестящую военную карьеру. Изыльментьев родился в Санкт-Петербургской губернии в дворянской семье, в 1826 году поступил в Морской кадетский корпус, в 1832—1848 годах ходил в Балтийском море. В 1849 году командовал транспортом «Або» в Финском заливе, затем назначен был командиром фрегата «Князь Варшавский», в 1851—1852 годах крейсировал на нем в Балтийском море. Назначение на фрегат «Аврора» началось с того, что Изыльментьев сделал частыми выходы в Балтийское море и Финский залив, где свое мастерство оттачивали артиллеристы, стреляя по плавучим мишеням, по небольшим плотам с мачтой, на которой вешались квадраты, сбитые из досок, которых порой не было видно, но тренировки в стрельбе давали отличные результаты. Комендоры были точны. Несмотря на то, что перевооружение в армии шло медленно и пока еще солдаты были вооружены гладкоствольными ружьями, на флоте экипажи уже имели штуцера – нарезное огнестрельное оружие. Отрабатывалась стрельба из штуцеров, потому что Иван Николаевич понимал: все это может пригодиться в ближайшее время. Вечером он сидел в своей каюте, продолжая размышлять об императорском указе; раздался стук в дверь, и вошел дежурный офицер.

– Что, пора? – спросил Изыльментьев.

– Так точно, господин капитан-лейтенант!

В офицерской столовой за большим длинным столом по обе стороны стояли офицеры, вытянувшись в струну, в ожидании командира фрегата. Пройдя мимо ряда своих офицеров, он остановился во главе стола, кивком головы разрешив всем сесть.

– Буду краток, – начал он.

Изыльментьев рассказал, что уже не скрывают ни Англия, ни Франция намерение о вступлении в войну с Россией на стороне Турции; положив пакет на стол, он зачитал приказ, суть которого заключалась в том, что фрегат «Аврора» с корветом «Наварен» должны немедленно ночью скрытно убыть на Дальний Восток для усиления эскадры вице-адмирала Путятина. Дочитав последние строки приказа, командир услышал одобрительный гул.

– А посему приказываю: экипажу на берег не сходить, суеты на палубе не создавать, должно складываться впечатление, что на судне все, как всегда, по уставу. Приказ довести экипажу!

Сказав это, командир фрегата ушел, а офицеры долго еще обсуждали предстоящий поход. День прошел быстро, каждый был занят подготовкой к походу, экипаж с воодушевлением воспринял весть о предстоящем плавании. Ночью, без сигнальных огней, на буксире из шлюпок, боевой корабль вышел из гавани. Раскрыв паруса, «Аврора» направила свой ход в Финский залив, чтобы встретиться с корветом, затем двинуться на Дальний Восток!

.....

Вечерняя прохлада была приятным подарком для ребят. Немного перекусив и выпив пива, они решили не сидеть долго, а идти спать, чтобы подняться пораньше и опять на утренней зорьке отправиться на засидку. Яркая луна и небольшие тучки на небе на фоне мерцающих звезд создавали красивую картину.

– Ну что, спать? – спросил Федор, обращаясь к ребятам. Он решил, что оставлять недопитый виски – это неправильно, и поэтому пил его в гордом одиночестве. – Я повторяю вопрос – сказал он уже заплетающимся языком. – Мы идем спать или пить будем?

– Идем, идем – ответила Вика, обнимая его и что-то шепча ему на ухо.

Он шутя отмахивался от нее, она опять начинала злиться.

– Все, идем – сказал Алексей. – А то опять спать не придется.

Они разошлись по палаткам в надежде, что завтра будет лучше, чем сегодня. Утро почему-то выдалось сырым и холодным. Светка, как заправский костровой, уже суетилась возле котла и что-то помешивала в нем ложкой.

«Да, все-таки она молодец», – подумал Алексей.

Федор, судя по шуму из палатки, уже проснулся.

– Иди к столу, мой хороший, – сказала Света, как всегда мягким и нежным голосом.

На столе бутерброды с сыром и колбасой, красной рыбой, чай, сахар.

Наливая чай, Светка подседа поближе к Алексею:

– Ну что, будем завтракать? Ой, мамочка! – вскрикнула она так неожиданно, что Алексей поперхнулся.

Немного откашлявшись, он мельком взглянул на нее, та смотрела прямо перед собой остекленевшими глазами. Он появился из ниоткуда, прямо перед столом, ни шума шагов идущего человека, ни хруста веток, ни других признаков приближения кого-либо к лагерю не было, он будто вырос из-под земли. Светка схватила Алексея за руку, сжимая ее.

– Тихо, тихо – сказал Алексей, стараясь говорить как можно спокойнее. – Не делай резких движений.

Алексей чувствовал, что она готова вскочить и убежать, но гость был вооружен, и что у него на уме, не знал никто. Внимание ребят в незнакомце привлекало буквально все: он сам, его одежда и оружие. Коренастый мужичок невысокого роста, не более метра шестидесяти, физически крепкий – это было видно по мышцам его рук, груди и живота. Пресс выделялся в виде квадратов. Лицо, шоколадного цвета от загара, было плоским и круглым, как блин, только широкие скулы выделялись на нем, узкие прорезы, из которых черными угольками горели глаза. Редкие черные усы переходили в такую же бороденку, черные длинные волосы заплетены в косичку. На голове у незнакомца был надет тонкий обруч из белого металла, который блестел на солнце. Все это придавало ему таинственность. С наибольшим интересом Алексей рассматривал одежду и оружие. Безрукавка, в которую был одет незнакомец, была сшита из шкуры какого-то зверя, мехом внутрь. Широкие кожаные штаны заправлены в высокие сапоги, голенища которых были меховыми, а головки – кожаными. Вся его одежда, обувь и широкий пояс, на котором крепился сбоку увесистый нож, были расшиты разноцветным бисером в виде замысловатых узоров и рисунков. На шее у незнакомца на кожаном шнурке висел кусочек темного меха в виде круга, на котором была прикреплена пластина из желтого металла с изображением оленя и медведя. На запястьях надеты браслеты из такого же металла, что и пластина на груди. Он пристально смотрел на ребят без каких-либо эмоций. Алексея это стало раздражать и злить, и он краем глаза посмотрел в сторону березы. Там стояло ружье, и Алексей, немного успокоившись, подумал: «Есть шанс, если схватить ружье, а там посмотрим!» – и продолжил мысленно рассуждать. Незнакомец скользнул взглядом по столу и, видимо обнаружив то, что искал, протянул руку. Взяв стрелу, мельком посмотрел на нее и медленно вложил ее в колчан, который был у него за спиной. Только сейчас Алексей заметил оперение стрел и тонкую нить тетивы, проходившую через плечо и грудь странного человека. В правой руке за древко он держал пику, наконечник которой был широким и длинным, заостренным с двух сторон. Вид прищельца казался воинственным. Напряжение росло и готово было взорваться. Видимо, почувствовав настроение ребят, незнакомец изумил их своим действием: он улыбнулся. Взяв в левую руку пику, а правую руку сжав в кулак, прижал его к груди и сказал:

– Тхе. – Голос прищельца прозвучал громко и неприятно, как скрежет металла.

Ребята вскочили с мест, но незнакомца это не смутило. Он повернулся к ним спиной и быстрым шагом стал удаляться от них в сторону леса. Остолбеневшие Светка и Алексей

провожали его взглядом; как замороженные, они смотрели на уходящего воина, пока тот не скрылся в кустарнике, растущем возле болота.

– Вы что, оглохли?! – окликнул их Федор. – Кричу, кричу, а вы молчите! – продолжал он возмущаться. – И что вы такие бледные оба, что с вами, что-то случилось? – начал он засыпать их вопросами – Я что-то проспал?

Алексей сел на стул, взял сигарету, закурил. Отойдя от стресса, Светка говорила быстро, поэтому иногда Федор перебивал ее, чтобы что-то уточнить.

– Ну, в общем, вы немного струхнули, – сказал Федор, выслушав Светку, желая перевести это событие в шутку.

Алексей, докурив сигарету, бросил ее и, помолчав, сказал:

– Сдается мне, что с приходом этого мужика у нас начнутся проблемы, предчувствие у меня нехорошее.

– Да ладно вам, мало ли какие бомжи по лесу шастают, стоит ли из-за этого нервы портить? Ты видел, сколько шло народа, когда мы ехали сюда. В лесу всякое бывает, даже кикиморы, говорят, водятся, – сказал Федор с усмешкой, он не менялся ни при каких обстоятельствах. – Мы же на охоте, а на охоте охотиться надо, да и вообще давайте позавтракаем, что ли.

День прошел без каких-либо событий. Накрапывал дождь, и вечерний выход на дичь оставался под вопросом. Порывы ветра усиливались, раскачивая ветки деревьев, небо заволкло тучами.

– Что будем делать? – спросил Федор.

– Что-что, найдем, чем заняться, – подмигнув своей подруге, сказала Вика.

«Только одно на уме у девки, зря взял баб с собой», – подумал он. Дождь все сильнее и сильнее барабанил по палатке, превращаясь в сплошной ливень, в лесу стемнело. Алексей и Светка заснули под гром и молнии весенней грозы в надежде, что завтрашний день будет сухим и теплым.

Глава 3. ТХЕ-ТИХОН-ТОЙОН

Первым проснулся Алексей Чернов. Было очень холодно, Светка, прижимаясь к нему, шептала сквозь сон ласковые слова.

«Что-то похолодало, и даже очень!» – подумал Алексей. Светало.

– Вставай скорее! – услышал он в темноте взволнованный голос брата.

– Только не буди ее, – сказал Федор.

Выйдя из палатки, Алексей почувствовал холод, который пронизывал его насквозь так, что даже зубы стали отстукивать барабанную дробь.

– Блин, ну и холод, – сказал он.

Под ногами что-то захрустело. Снег.

– Да-а, с природой что-то происходит. – Алексей продолжал раздраженно говорить вслух.

– И не только с природой, но и с нашей поляной, – ответил Федор почти шепотом, включая свой фонарь.

Следя за лучом света, Алексей просто оцепенел.

– Что это? – спросил он удивленно.

– Я бы тоже хотел знать, – ответил брат.

Впереди стояла сплошная стена из какого-то хвойного кустарника высотой около двух метров, ни болота, ни леса возле него не было.

– Что за хрень и почему поляна имеет вид идеального круга? – сказал Алексей растерянно, когда Федор перестал водить лучом фонаря, шаря им по поляне.

– Я не знаю – ответил он как-то отрешенно.

Поляна действительно имела форму ровного круга, машина по-прежнему стояла возле березы, стол, за которым они ели, и палатки были на месте, только сама местность и этот кустарник стали чужими.

– Ну, какие мысли будут, версии? – спросил Федор.

– Какие версии, может быть, мы еще спим? – ответил Алексей.

– Ага, спим так, что ты трясешься от холода, и мы видим одно и то же, но самое главное – этот запах!

– Какой запах? – недоуменно спросил Алексей.

– Запах моря, его не спутать ни с каким другим, за десять лет хождения по морям его не забыть, поверь. Я так думаю, море здесь есть, да и чайки где-то кричат, только где мы? – продолжал он рассуждать вслух. – Ладно, ты поспи, а я подежурю, потом меня сменишь, все равно пока ничего толком не видно.

«Да, пожалуй, заснешь после всего увиденного», – подумал Алексей, но спорить не стал, в душе надеясь, что это только сон. Наступил день, и от бывшего холода ничего не осталось, как и от неожиданно выпавшего ночью снега. Теперь можно было увидеть и без фонаря всю картину. Поляна имела действительно форму ровного круга, и лес, окружавший ее, стоял сплошной хвойной стеной. За столом сидел Федор, и, судя по виду, он был уже в хорошем подпитии, из-за холода потягивая сначала крепкое, а под утро – пиво. Вика сидела рядом и всхлипывала, облокотившись на его могучее плечо. Только Света продолжала, как всегда, хлопотать у стола, что-то нарезая. По ее виду казалось, что она спокойна, но бледность говорила об обратном.

Увидев Алексея, Федор заулыбался.

– По-моему, только один человек безмятежен – это мой братец! – сказал он, еле ворочая языком.

– Иди поспи, Федя, ночь ведь не спал, – сказал Алексей, подходя к столу.

Солнце палило нещадно, день становился жарким, поэтому пришлось надеть брюки цвета хаки и берцы. Федор сидел, сняв майку и потягивал пиво, подставляя свое тело солнечным лучам.

– Ну вот, все в сборе, можно и начинать думать сообща – сказал он. – Да, а где Вика?

– Она скоро, ей надо, – ответила тихо Света.

– А, ладно, она все равно ничего дельного не скажет, как увидела все вокруг, сразу в рев, не то, что твоя Светлана. В общем, так, сотовые телефоны не работают, электроника и радио тоже, поэтому ни времени, ни места мы не знаем. Что будем делать?

Наступило молчание.

– Ну думаю, что, сколько сейчас времени, можно будет узнать, если только...

Не договорив, Алексей пошел в палатку, копаясь в своем рюкзаке, он думал об одной маленькой, но нужной вещице, которая не только была очень важна сейчас, но и напоминала ему о доме и 21-м веке! Это были карманные часы. Он уже не помнил, кто ему их подарил, но почему-то они ему очень нравились, и он всегда брал их с собой на охоту. Серебряный корпус с красивым барельефом Питера, с открывающейся крышкой и механической мелодией. Почти с трепетом он открыл крышку часов. Ура, они идут!

– Ну вот, время мы знаем, на циферблате стрелки показывали девять часов утра, только непонятно, какого века и какого часового пояса, – продолжал рассуждать он.

Федор постепенно возвращался в привычное состояние лидера.

– Вот что, ребята, как видите, поляна наша не совсем плоская, а под уклоном, посмотрите на машину, – сказал он.

Все, как по команде, повернули голову в сторону новенького джипа, на котором отражались лучи солнца. Действительно, джип стоял под уклоном, багажная часть машины была намного выше.

– Ты, Леха, снимай свою обувь и залезай на него, может, что-нибудь увидишь, – сказал Федор.

Алексей, сняв берцы, залез на крышу машины, цепляясь за края, потому что ноги скользили по гладкой поверхности.

– Ну, скоро ты там? – продолжал брат.

– Сам бы попробовал – огрызнулся Алексей.

– Да ладно вам, ребята, ссориться, – вмешалась в спор Светка.

Взгромоздясь на высокое место, пыхтя и потев от жары, Алексей крикнул:

– Давай бинокль!

Перед ним открылся прекрасный пейзаж, теперь он понял, что их поляна находилась на склоне сопки, внизу зеленым ковром расстилались кроны деревьев, дальше было видно озеро, которое от моря отделяла полоска берега, и очень далеко возвышались огромные горы, на которых белыми шапками лежал снег. Кричали чайки над водной гладью, а в море отражалось синева небес.

– Господи, как красиво!

– Ну, что там? – спросил нетерпеливо Федор.

Еще раз полюбовавшись пейзажем, Алексей только сейчас обратил внимание на то, что озеро имело форму идеального круга. Что-то в душе защемило, голова резко заболела, тошнота подкатила к горлу, и он упал с машины. Света подскочила к нему.

– Что с тобой? – спросила она взволнованно.

– Ничего, все в порядке, в моей голове промелькнули обрывки из детства, молодая мама, моя сестренка, мой маленький брат.

Боль не унималась, картинка менялись какими-то бессвязными сюжетами все быстрее и быстрее. Алексей застонал от боли.

– Ну, что с тобой, любимый? – услышал он голос Светы и открыл глаза.

Боль, как внезапно появилась, так и внезапно прошла.

Федор наклонился к нему, спросил:

– Ну, как ты, братан?

– Да ничего, все уже прошло, – ответил Алексей.

– У тебя тепловой удар, – сказала Света, все еще немного встревоженная. – Ну, что ты там увидел? – сразу последовал вопрос Федора, когда он понял, что Алексею действительно стало лучше. – Что ты видел? – не унимался он – Ты куда?

Но Алексей его не слушал и побежал на край поляны.

– И долго ты собираешься молчать и бегать? – продолжал он. Уже тише проворчал: – Видимо, башкой сильно ударился, вон как его колбасит, что ничего не соображает.

– Да ладно тебе, Федор, сейчас все узнаем, – перебила Светка его.

Алексей не слушал их, его интересовало только одно, верна ли его догадка или нет. Подойдя к краю поляны, он сорвал ветку хвойного дерева, понюхал, провел ладонью по пушистым иголкам. «Не может быть!» – подумал он про себя.

– Что ты можешь сказать нам, ботаник? – спросил Федор, подходя вместе со Светкой.

– Теперь могу, – ответил Алексей, с трудом веря тому, что видел, и что догадка его верна, и что это все произошло с ними. – На первый взгляд это покажется бредом, но попали мы, ребята, на Камчатку!

– Бред – это то, что с нами случилось, я даже уже принял наше перемещение, могу понять наши галлюцинации или еще что-нибудь, но почему именно Камчатка?! Не Исландия, не Канада, не другая страна, а Камчатка! – не унимался Федор.

– Если ты будешь перебивать меня, то точно ничего не узнаешь!

– Да хватит вам, ребята, ссориться! – не выдержала Светка. – Говори, Леша!

– В общем, так. Я не знаю, растет ли в тех странах кедр, но то, что он растет на Камчатке, это точно! Теперь о главном: там, внизу, озеро, луга, бухта и вулканы, это если коротко о том, что я увидел. Когда моего отца перевели сюда, на новое место службы, я мальчишкой бегал на это озеро, играл в индейцев и ходил по этим лесам.

– Да с чего ты взял, что это озеро и эти места из твоего детства?! – Федору явно не понравились объяснения.

– Вот именно, из моего детства, разве это забудешь? Разве можно забыть малую родину, где прожил пятнадцать лет?

– Ну, начинается ностальгия.

– Да пошел ты, – не выдержал Алексей.

– Ладно, хватит! – закричала Светка. – Успокойтесь!

Они присели на сухую корягу и замолчали.

Алексей вытащил сигарету, закурил, от жары и духоты спасали только слабые порывы прохладного ветра, идущие с моря.

– Непонятно, каким образом нас забросило сюда, и это реальность, а вторая реальность – у нас кончаются продукты и вода, и последнее: чтобы получить ответы на эти вопросы, надо найти людей.

– Если, конечно, это не каменный век, – с иронией сказал Федор, вставая, за ним последовали остальные. – Предлагаю собрать необходимые вещи и спускаться вниз к озеру, там рыба водится, да и помыться не мешало бы. Отдохнем и пойдем по берегу, там наверняка есть поселения. А сейчас быстренько перекусим и в путь.

– Другого выхода нет – грустно ответила Светка на предложение Федора. – Тогда за дело! – немного повеселев, промолвил Федор. – Да, и скажи Вике, пусть поторопится!

Все разошлись, кто куда. Федор уже рубил колбасу своим ножом, потому что сказать, что он нарезал, было бы неправильно. Его нож действительно как короткий римский меч: широкое и длинное лезвие, заточенное, как бритва, с бороздками с двух сторон. Костяная ручка ножа изготовлена из рога лося. Он рубил колбасу так умело и быстро, что нож в его большой ладони казался просто перочинным.

– Вот, можно и перекусить – сказал он. – Леха, ты стволы клади в рюкзаки, а то через эти гущи прорубаться надо будет, руки свободные нужны.

– Ладно, в рюкзаки – так в рюкзаки, – ответил Алексей и пошел в палатку.

Он вынес все вещи на поляну и стал раскладывать их, размышляя, что важнее взять с собой.

– Братан, ты вытащи и мое ружье, оно там, в палатке, а то мне как-то не дойти, – сказал Федор, улыбаясь.

Прислонив ружье к березе и сложив вещи Федора рядом, Алексей решил, что пора перекусить. Кто знает, сколько предстоит идти.

– Что, жор напал!? – сказал Федор, явно в хорошем расположении духа. – Ничего, Леха, не переживай, выберемся, даже если это Камчатка. Садись поешь, кто знает, когда еще поедим.

Присев на стул, Алексей взял бутерброд с колбасой, открыл банку пива.

– Смотрю на тебя и удивляюсь, как будто ничего не произошло, ты абсолютно спокоен.

– А ты что же, предлагаешь паниковать, нет, этого делать нельзя, мы не одни. Ситуация действительно необычная, и у нас девчонки, которые напуганы не меньше, чем мы. Да, попали мы, ничего не скажешь. Ладно, допиваем и собираемся, – сказал Алексей и жадными глотками допил пиво из банки.

– Самое положительное – это то, что ты у нас хозяйственный мужик. Видишь, выходит, зря я шутил над тобой, что возишь с собой постоянно много вещей на охоту, у тебя, наверное, и для рыбалки есть что-нибудь?

Алексей кивнул в ответ.

– Я же говорю, хозяйственный ты у нас.

Жара усиливалась, даже чайки перестали кричать в небесной выси, предпочитая сидеть на воде. Тишина. Недалеко от них неожиданно из кустов выскочила Светка. Ее вид сразу насто-рожил братьев, не сговариваясь, одновременно охотники вскочили с мест. Она рыдала, слезы текли по щекам, растрепанные волосы торчали в разные стороны, как пакля.

– Там... там... Вика!

Плача навзрыд, она скрылась в кедровнике так же быстро, как и появилась. Федор подскочил к березе, схватил свой карабин, передернул затвор и побежал вслед за Светкой. Алексей последовал за ним, на ходу проверяя, заряжено ли его ружье. То, что было дальше, и то, что увидели все, словами не передать. Продираясь сквозь густые ветки кедровника, идя за Федором, Алексей слышал Светкины всхлипывания, но никто не решился спросить ее о том, что произошло. Предчувствие чего-то ужасного усиливалось по мере приближения к месту, куда она всех вела. Взмокшие от пота, они неожиданно вывалились на поляну. Страшная картина встала перед глазами: на небольшой полянке, почти в ее центре, лежало растерзанное тело Вики. Кустарник и трава были примяты и забрызганы кровью, повсюду валялись клочки одежды, части тела разбросаны на расстоянии друг от друга, как в фильме ужасов. Федор подбежал к телу, упал на колени, пытаясь поднять ее, но голова отделилась от тела и висела на обрывках кожи. Грудная клетка ее была разорвана до живота, и оголенные ребра торчали наружу.

– Вика, Викуля, как же так?! Кто это сделал? – продолжал кричать Федор.

Светка, увидев вблизи свою подругу, закрыла глаза руками и отвернулась. У Алексея подступил приступ тошноты. Федор гладил волосы Вики, бормоча что-то, потом, вскочив на ноги, поднял с земли свое ружье и стал стрелять по кустам, как будто незримый враг скрывался там. В магазине закончились патроны, но он продолжал нажимать на курок.

– Это я виноват! – орал он, бегая по поляне как безумный.

Алексей и Света не знали, чем ему помочь и молча наблюдали. Светка прижалась к Алексею, мелкая дрожь пронизывала все ее тело. Алексей успокаивал ее, как мог, его взгляд задержался на примятой траве, там, где они стояли, он увидел, что рядом на земле отчетливо отпечатался след большого зверя, и не хотелось думать о том, кто бы это мог быть. Немного успокоившись, он подошел к телу Вики, закрыл ладонью ее глаза.

– Я похороню ее там, на нашей поляне, вы идите, я сейчас приду, – сказал Федор рассеянно, охрипшим голосом.

Он выглядел бледным и осунувшимся. Алексей и Света шли в лагерь, уходя все дальше и дальше от зловещего места, но слышали рев раненого зверя, переходящий в скуление, – это рыдал брат по погибшей своей подруге.

«Как все быстро происходит, охота в двадцать первом веке, потом перемещение или похищение, кто знает, гибель Вики, как страшный сон или бред, который не придумаешь!» – мысленно рассуждал Алексей. Федор простался с Викой и просил у нее прощение за то, что взял ее с собой, что был груб с ней и не сказал ей о том, что любит ее. Все это теперь не имело значения. Он просто выл, как волк в лунную ночь, от отчаяния и бессилия что-либо изменить. Чужой и враждебный лес взял свою кровавую дань. Солнце пекло, а Федор в лагере все не появлялся. Светка, вытащив из палатки вещи, не могла решить, что взять с собой в дорогу. Ей хотелось плакать, но она сдерживала себя, стараясь как-то успокоиться. Алексей достал из багажника лопату, подошел к краю поляны и воткнул ее в землю. «Здесь, в тени, ей будет хорошо», – подумал он и начал копать.

– Леха, не надо, я ее там похоронил— услышал он голос Федора. – Давайте помянем ее, – сказал он.

Светка расставила стаканы, Федор, молча налив по полстакана водки Алексею и Свете, сам выпил из горла поллитровки. В лесу было тихо, только трель каких-то птиц нарушала эту тишину.

– Я еще сомневался, что все это реальность, но после того, что произошло, думаю, что это дело рук человеческих, я имею в виду наше пребывание здесь. Одно могу обещать твердо: узнаю, кто это сделал, – убью, даже рука не дрогнет. А они, или он, или оно все равно объявится! – сказал Федор жестким и мрачным голосом.

С моря дуло прохладой, Светка рассовала последние вещи себе в рюкзак. Федор дремал, сидя за столом. Где-то в стороне послышался хруст кедровых веток, ломающихся под чьей-то тяжестью. Алексей и Света встали со своих мест в ожидании чего-то страшного, мысль была одна – наверное, медведь опять вернулся! Еще пару секунд – и на поляне появился человек.

– Здравствуйте, ребята, долго же я вас искал! – сказал он.

Светка вскрикнула, и было отчего. Человек, который стоял на поляне, был тем самым незнакомцем, который посетил их еще там, в Черноушево, в первый день охоты, но самое главное, что поразило, так это то, что он говорил на совершенно чистом русском языке без всякого акцента.

– Вот это да! – только и смогла сказать Света.

– Да, полный пипец! – сказал Алексей и взял в руки свое ружье.

А в это время Федор мирно дремал за столом. Все изменилось, когда незнакомец пошел в их сторону. Федор вскочил со стула и быстрым шагом двинулся навстречу гостю, в нескольких шагах от него он остановился.

– Ну, что, убудок, поговорим, как мужчина с женщиной! – заорал он и вынул из ножен свой нож. – Только не говори мне, что все, что с нами произошло, не имеет к тебе никакого отношения! – продолжал он. – Ты мне, урод, сейчас все расскажешь! – С этими словами он ринулся к пришельцу.

Света с Алексеем, наблюдая за происходящим, стояли в оцепенении. Светка зарыдала, причитая:

– Господи, да что же это такое, не успели похоронить Вику, а здесь еще и это!

«Действительно, здесь, куда мы переместились, время идет быстрее, столько событий с нами произошло... и это последнее, трагическое...» – стучало в висках у Алексея.

Светка всхлипывала у него на груди. Тем временем на поляне разыгралась смертельная схватка. Мешать брату было бесполезно, Алексей это понимал. Федор размахивал ножом в разные стороны и пытался нанести удары то снизу, то сверху, но, как только расстояние между противниками сокращалось и казалось, что нож вот-вот войдет в незнакомца, происходило что-то необычное: незнакомец, каждый раз оказывался за спиной брата, причем его лицо оставалось совершенно спокойным.

– Федор, прими мои искренние соболезнования, но к этой трагедии я непричастен! – сказал пришелец твердо.

– Засунь свои соболезнования себе в задницу! – заорал брат, стараясь нанести удар с разворота, но незнакомец в который раз оставался невредим.

Это злило брата, он бросил нож и, сжав кулаки, хотел нанести удары, но результат был прежним. Весь этот танец продолжался бы долго, если бы у Федора не закончились силы. Он тяжело дышал и обливался потом, сел на землю, продолжая бормотать себе под нос:

– Все равно достану тебя, гаденыш!

Незнакомец подошел к ним:

– Здравствуйте, ребята, давайте присядем и познакомимся. – Сказав это, он подвинул к костру корягу, которая лежала поблизости. – Я знаю, у вас много вопросов ко мне, но постарайтесь задавать самые главные, у нас мало времени, а ночью здесь оставаться небезопасно. Меня зовут Тихоном, вернее, русские так меня называют, им удобнее, а мне не в обиду – хоро-

шие люди они, однако. А вообще-то меня зовут Тхе, и самое главное – меня не бойтесь, я ваш друг и проводник. – Он подобрал на земле небольшую сухую ветку и бросил ее в костер. Ребята смотрели на него и не верили ни своим глазам, ни тому, что он говорил. – Я понимаю вас, вы мне не верите, но чем быстрее вы поверите мне и тому, что с вами произошло, тем больше гарантии, что с вами ничего плохого не случится. – Он говорил спокойно и уверенно глядя на них. – Начну с того, что волею судьбы вы попали в девятнадцатый век, а точнее, в 1854 год, сегодня 22 апреля. Место, где мы сейчас находимся, полуостров Камчатка.

Он о чем-то задумался, и этой паузой воспользовалась Светка.

– А что, здесь русские есть? – спросила она робко.

Он отвлекся от своих мыслей, посмотрел на нее:

– Ну почему только русские, здесь много и других народов живут, это территория Российской империи. Начну с того, что я не знаю, почему именно вы попали ко мне. А еще я понял там, на болоте, что произошла какая-то ошибка, когда увидел вас. Дело в том, что я проводник, если хотите, наблюдатель из будущего.

Он опять замолчал, ковыряясь в костре какой-то палочкой, потом откуда-то достал трубку, набив ее табаком, поднес к ней огонь и закурил.

Сделав пару затяжек, он продолжил:

– В каждой эпохе есть наблюдатели, которые занимаются научной работой, собирают и изучают артефакты, свитки, документы, культуру народов – в общем, мирная и интересная работа. Не вмешиваться в ход истории – это главный закон. Но произошло нечто, о чем я пока не знаю, так появились вы, извините, кандидаты. Как правило, набираются они из той эпохи, где находится и наблюдатель, принцип отбора кандидатов мне неведом, только они – подготовленные, физически сильные и продвинутые в разных областях науки, которые они должны знать, мне легко с ними работать.

Ребята слушали и не верили, но как не верить, если все это с ними произошло?

– Постойте, вы сказали кандидаты? – решил спросить Алексей, уже привыкший к внешнему виду гостя и его отличному знанию русского языка.

Федор, отрезвевший и вполне бодрый, подошел к собеседникам и слушал рассказ Тихона.

– Да, кандидаты, но более подробно поговорим позже. Хорошо? Предполагаю, что во время перемещения произошел сбой, причины которого я не знаю, и вместо подготовленных кандидатов явились вы. Это стало понятно, когда, охотясь на уток и выпустив стрелу, я попал на вашу охоту. – Он улыбнулся. – Вот такие-то дела, друзья мои. Нам надо идти, чтобы к моему стойбищу добраться до темноты, да и разговор в более спокойном месте лучше получается. Да, и еще, мне нужна твоя помощь, Алексей, хотя я и обладаю, как вы уже убедились, разными способностями, но даже и я не смогу находиться одновременно в разных местах, поэтому позволь мне помочь тебе вспомнить все то, что ты знал про этот край.

– Я? – удивленно спросил Алексей.

– Да, именно ты, – ответил Тхе.

– Да, но как ты узнал мое имя, да и вообще, ты ведешь себя так, как будто давно меня знаешь, – продолжал удивленно говорить Алексей.

– Я знаю о вас все, ребята, не удивляйтесь, а сейчас позволь... – Сказав это, он встал, подошел к Алексею и приложил свою ладонь к его лбу: – Наш мозг, как компьютер, надо только найти ту папку, которую ищешь, и память сама вернется, несмотря на то, что ты долго не пользовался этими знаниями.

Он говорил, и Алексей чувствовал, как тепло растекается сначала в его голове, потом во всем теле, а затем перед глазами как вспышки стали мелькать события из прошлого.

– Вот и все, пора собираться, – сказал Тихон, подошел к Федору, посмотрел на него, сделал пару затяжек из трубки. – Я живу на Камчатке давно, видел многое на охоте, но такое не припомню, чтобы люди не слышали, как медведь рвет человека, находясь рядом с ними,

мне непонятно многое... – Он задумался. – Так что ты не держи на меня зла, не моих это рук дело, однако нам пора! Вещи вы уже собрали, я вижу, поэтому предлагаю двигаться к моему стойбищу, а там спокойно решим, что делать дальше.

Выбора не было, да и оставаться на этом месте тоже незачем. Сборы были недолгими. Каждый надел на плечи свой рюкзак.

– Федор, а почему ты за свою дорогую игрушку не беспокоишься? – спросил Тхе, подойдя к машине.

– А на кой она мне, не потащу же я ее за собой! – ответил он с грустью.

– Зачем же так, кто знает, может быть, она тебе еще пригодится?

С этими словами Тхе вытащил из кармана какой-то блестящий предмет, который легко помещался у него на ладони, направил его в сторону машины, и она исчезла. Да, именно исчезла! Как будто ее и вовсе не было!

– Что за фокус такой, где машина? – спросил Федор растерянно.

– Да, действительно, хоть предупреждай, когда такие вещи будешь делать! – поддержал Алексей брата.

– Для меня это обыкновенный универсальный энергетический прибор, спектр его функций безграничен, но для вас, конечно, это фантастика, – сказал Тихон и показал тот самый предмет серебристого цвета. – Он уменьшает любой предмет до нужного вам размера, в данном случае я уменьшил машину до размеров песчинки, а чтобы сюда больше никто не забрел, когда придем в стойбище, велю охотникам, чтобы поставили здесь охрану. Кстати, это охотники мне сказали, где вы находитесь, вернее, я догадался с их слов, что вы те, кого я ищу. Охотники прибежали с ужасом в глазах и рассказали, что появились боги с черным драконом с горящими глазами, так что теперь вы – зарождение легенды! – Сказав это, он улыбнулся.

– Да уж, хорошо ли это, кто знает? – сказал Федор раздраженно.

– Поживем – увидим, – ответил Тихон, все так же улыбаясь.

– Как интересно, обладая такими способностями, не смог сразу нас найти? – все так же продолжал недовольно говорить Федор.

– Вопрос очень серьезный, ты даже не представляешь, какой серьезный! – ответил Тихон задумчиво.

Когда спускались по склону очередной сопки, у Алексея мелькали обрывки воспоминаний из детства о том, как он жил здесь и учился в двадцатом веке и откуда он уехал, прожив пятнадцать лет. Все это казалось ему каким-то абсурдом, в лучшем случае сном, но никак не настоящим! Идя следом за Светкой, он видел ее спину, мокрую от пота, на светлой футболке ее выделялись темные влажные пятна, Алексею стало жаль ее. Он ускорил шаг, подошел к ней, взял ее за руку и, как на прицепе, потащил за собой и, помогая ей, продолжал вспоминать о своей малой родине, на которую он попал волею судьбы не в свой век, да еще и после стольких лет разлуки. В советские времена в школах был такой предмет, как краеведение. Предмет, на котором изучали историю того края, в котором ты живешь, о том, какая флора и фауна населяет эти края, о людях, их быте и исторических событиях, связанных с ним. Все это нравилось тогда ученику 5 «б» класса средней школы номер семнадцать Петропавловска-Камчатского, Чернову Леше. Алексей рос любознательным мальчишкой, как и все, играл в индейцев, в войнушку и другие игры, в которые играли его сверстники. Однако больше всего ему нравилось читать книжки. Он любил смотреть фильм об Александре Невском, и в один из летних дней на каникулах он договорился со своим другом Димкой сыграть баталию из пластилиновых рыцарей и дружинников. Попросив денег у родителей, ребята купили двадцать пачек пластилина и лепили пластилиновую армию целую неделю. Закончив работу, ребята назначили день, когда будет сражение. Погуляв на улице, Лешка почти бегом добежал до дома и стал с нетерпением ждать друга. Сейчас на столе стояли клином тевтонские рыцари, на противоположном краю

выстроилась русская дружина; солдатиков было так много, что стола едва хватило, чтобы расположить их всех. Появился Димка, он был возбужденным, видимо, от игры в футбол.

Лешкин друг подошел к столу, сказав:

– Начнем!

Димка играл за тевтонцев. Ребята играли до вечера, переставляя фигурки из пластилина то вперед, то изгибая их в разные позы убитых или наносящих удары копьем или мечом. Это было интересно и захватывающе.

Вернулась мама после работы и заглянула в комнату:

– Ну что, играете?

– Да-да, мамуля, не мешай! – ответил Лешка, не глядя на мать. Все внимание было приковано к столу.

Димка, знающий из учебника истории, кто победит, решил, что надо что-то изменить. Он взял одного рыцаря и поставил его напротив запасного полка русской дружины:

– Сейчас я уничтожу твой полк, и все на этом, мы закончим! – сказал он. – Как это? – заорал Лешка, вытаращив глаза. – Это же не по правилам!

– Надоели мне твои правила, – сказал невозмутимо Димка и, взяв своего пластилинового человечка, стал толкать им русскую дружину.

Лешка смотрел на Димкины выходки с негодованием и злостью. Алешкино терпение лопнуло после того, как Димка, взяв нескольких дружинников, смял их и бросил на стол.

– Ну все! – продолжал орать Лешка. – Сейчас ты у меня получишь!

Он решительно сгреб все вылепленные Димкины немецкие войска и на глазах растерявшегося от такого действия друга смял их в бесформенный комок. Рыдая, он мял и мял пластилин, вылепливая что-то непонятное, и, подойдя к обидчику он хлопнул его им по голове и прокрутил несколько раз. Димка захныкал, пытаясь снять пластилиновый блин с головы, но чем больше он пытался это сделать, тем больше волосы наматывались на него.

– Так, ты так, а еще другом называешься! – заревел Димка.

Он схватил первые попавшиеся фигурки русских воинов и с размаху воткнул их другу в волосы; ухватившись двумя руками, он зло втирал пластилин в голову Лешки. Ребята вцепились друг в друга, пытаясь повалить обидчика на пол. Крики, шум и возню услышала мама, которая была на кухне. Прибежав на крики и плач и увидев ребят, которые рыдали и пытались, уже помогая друг другу, снять пластилин, мама ахнула и присела в кресло:

– Что вы наделали, ребята?!

Мальчишки ревели, понимая, что основные разборки начнутся, когда придут отцы. Долго еще во дворе их дразнили лысыми. «Да, хорошие и счастливые школьные годы были», – подумал Алексей, улыбаясь про себя. Путешественники вышли в долину высокорослых трав.

– Все, привал! – скомандовал Тхе. – Пройдем через сопку вдоль реки, потом мимо водопада, там мое стойбище, а сейчас можно немного передохнуть.

Светка устала, это было видно по ее измученному лицу и растрепанным волосам. Федор снял свою мокрую от пота футболку, подставив свой могучий торс легкому порыву ветра, подувшему с моря. Открыв бутылку минеральной воды, Алексей отдал ее Светке; та, немного отпив, предложила Федору, но он отказался, продолжая недовольно ворчать.

– Мог бы на хрен все уменьшить, и шли бы налегке, так нет, много энергии уходит на работу прибора, вот и тащи все на себе, как ишак! – продолжал он рассуждать тихо.

Остальные сидели молча, и каждый думал о своем. Алексей присел рядом со Светкой, прислонившись к ее спине.

Воспоминания снова нахлынули на него. В тот же год, когда история с пластилином стала забываться, с ним случилось событие, которое перевернуло его относительно спокойную детскую жизнь. При каждой школе в то время были так называемые приусадебные участки, усадьбы не было, но была земля, на которой выращивали овощи, все это предназначалось для

школьной столовой. Сам участок находился через дорогу, напротив школы, поэтому уроки по труду иногда проводили там, на свежем воздухе. Нижняя граница школьного трудового полигона проходила возле озера, которое понемногу превращалось в болото, и, кроме ондатр, в нем никто не жил. Иногда они высовывали головы из воды, и тогда девочки визжали от страха, а мальчишки, стараясь показать, какие они смелые, бросали в ондатр камни. Было такое и в тот раз. Послышался визг девчонок, и ребята стали выбирать камешки из грядок, чтобы не столько попасть в зверька, сколько спугнуть его, хотя ондатры сами боялись людей. Лешка, выбирая камешки, клал их себе в ладонь, и, чтобы они не рассыпались, он сжал их в кулаке. Резкая боль заставила разжать пальцы, камешки упали на землю. На ладони у пятиклассника появилась красная полоска. Рядом был учитель, который увидел, как Лешка дул на ранку, прижимая руку к груди. Он подошел, спросив:

– Ну, что у тебя, Чернов? – И, взяв Лешкину руку, посмотрел на порез.

– Это ерунда, царапина, до свадьбы твоей заживет, на, возьми носовой платок, – сказал он. – Показывай, герой, чем ты руку порезал? – спросил учитель, когда пятиклассник завязал ладонь белой тканью.

– Вот этим, – виноватым голосом промямлил он.

Преподаватель наклонился и поднял лежавшие на земле камни. Он долго рассматривал их на своей ладони. Потом протянул ее мальчишке:

– Смотри, эти заточенные с двух сторон – наконечники для стрел, а этот, побольше, наверное, использовали, как нож. Молодец ты, Леша, нашел такие предметы. Все это надо отдать в наш краеведческий музей. Хотя эти экспонаты и не редкость для нашего края, но думаю, они займут достойное место в музее. Здесь много тысяч лет назад жили люди... – Он посмотрел на озеро. – Когда была чистая вода и дикий зверь не боялся человека... Ну что, прошла рука? – спросил он.

– Да, – кивком ответил Лешка.

Алексей уже не помнил, как звали того учителя, только после его слов почему-то потянуло к изучению родного края. Подолгу засиживаясь в библиотеках, Алексей многое узнал из книг о Камчатке – крае, где жил и учился. В краеведческом музее он стал постоянным посетителем. Алексей изучал быт и обычаи народов, населявших край, ему все больше и больше нравилось краеведение, он участвовал в олимпиадах и всевозможных конкурсах, получал призовые места и грамоты.

«Эх, мне бы эти знания сейчас, – подумал Алексей, докуривая сигарету.

– Да и как вспомнить, если прошло ой сколько времени». Алексей встал, потом помог Светке. Вечерело, в долине становилось прохладно.

– Все, ребята, нам пора – сказал Тхе.

Они приготовились к последнему броску, который вел к живущим здесь людям, уходя все дальше и дальше вглубь полуострова. Рельеф поверхности менялся, здесь были и сопки, и большие холмы, и долины, на которых росли сочные травы, и реки, тянувшиеся по всей Камчатке, не говоря уже о величественно возвышающихся вулканах со снежными вершинами. Этот красивый пейзаж дополняли кедровые, ольховые, березовые и хвойные леса. Неторопливый бег реки внезапно обрывался, превращаясь в свергающийся с высоты шумный водопад. Весь этот мир был наполнен яркими красками и прекрасными запахами альпийских лугов и ароматом дикорастущих цветов. Алексей шел и вдыхал этот запах, напоминавший ему детство. Вечер был светлым.

– Ну, прям как у нас в Питере, – сказал Федор.

– У нас тоже есть белые ночи, – ответил Тхе, уводя ребят дальше от водопада вглубь ивового леса. – Сейчас будем дома, отдохнете, ванну примете, другими людьми станете.

Тихон ускорил шаг. Федор хотел спросить его по поводу ванны, но не успел, Проводник уже был далеко, и надо было поспешать за ним. Пройдя через заросли ивняка, они вышли на

проселочную дорогу. Дорога была широкой, утоптанной, видимо, местными аборигенами. Тхе немного подождал, когда его спутники отдышатся, посмотрел внимательно на них, его лицо было серьезным, он подошел к ним:

– У меня к вам просьба, ребята, с этого момента слушайте меня беспрекословно и не забывайте, где вы, в каком веке, и думаю, ваше пребывание здесь обойдется без особых приключений.

– Ничего себе, без приключений, уже то, что мы здесь, есть приключение! – возразил Федор.

– И тем не менее помните, о чем я вас просил. Я, тойон, вождь рода, поэтому подскажу, как вести себя в стойбище. На людях проявляйте ко мне уважение, не говорите громко, не делайте резких движений, головами не вертите, главное – дойти до жилища, а там вы освоитесь и сами уже будете хорошо ориентироваться. Да, чуть не забыл, и, пожалуйста, Федор, надень куртку, что ли, а то моих коряков распугаешь своим голым торсом! – сказал он уже с улыбкой.

Дорога шла вниз по склону, скрываясь где-то в зелени леса. Они были в пути уже около часа, не доходя до опушки леса, дорога уходила вправо. Повернув за поворот, они увидели стойбище, которое располагалось в небольшой долине, окруженной с одной стороны каким-то кустарником и пихтовым лесом, с другой – берегом реки и зарослями ольшаника. Первыми их заметили воины, они бесшумно появились из темноты. Лица, одежду и их амуницию невозможно было разглядеть, только силуэты крепких тел и отблески от лезвий пик в свете яркой луны остались в памяти ребят. Все представители рода приветствовали вождя, дети облепили Тихона и что-то рассказывали ему наперебой, он отвечал, улыбаясь. Затем, положив каждому ребенку поочередно свою ладонь на голову, что-то долго говорил им – наверное, молитву или напутствие; те, кивнув ему в ответ, расходились по своим жилищам. Следом за детьми шли им навстречу старики. Тойон сам подошел к ним поближе и, немного поговорив, показал рукой в сторону гостей; старейшины закивали и расступились, пропуская их вперед. Самих жилищ видно не было, потому что быстро стемнело, но большой пылающий костер, который располагался на середине стойбища, давал отблески и тускло освещал конусовидные жилища коряков.

Подойдя к одному из таких домов, Тихон, повернулся к гостям:

– Ну вот, ребята, мы пришли, милости прошу к нашему шалашу, не обессудьте, если слишком скромное жилище.

– Да что уж там, – уставшим голосом ответил Федор.

– Нам бы помыться и лечь спать, – прошептала тихо Светка.

Тхе, хитро улыбаясь, поднял край шкуры, закрывающей вход в жилище, и жестом пригласил друзей войти внутрь. Резкий яркий свет электрических ламп ударил в глаза, от неожиданности ребята прикрыли глаза ладонями и встали как вкопанные.

– Не стойте как пеньки, – сказал Тихон откуда-то из глубины квартиры. Да, именно, это была обычная типовая двухкомнатная городская квартира. – Так и будете стоять? Проходите, разувайтесь, снимайте рюкзаки, – скомандовал он из комнаты.

Ребята долго стояли в нерешительности у двери, они явно не были готовы к таким быстрым переменам. Первой отошла от стресса Светка.

– Да ладно вам, парни, действительно, чему уж тут удивляться, подумаешь квартира, мы стали привыкать к нашему положению, так и к чудесам науки из будущего можно привыкнуть.

– Правильно говоришь, Светлана, – согласился Тхе, все продолжая чем-то греметь в соседней комнате.

– Я больше ничему удивляться не буду. – Сказав это, Светка прошла в комнату. – Все, как у меня дома, телевизор плоский, музыкальный центр, компьютер, только диваны кожаные, да и кровать двуспальная, а так все, как у всех, – рассуждала Светка. – Мальчишки, я иду в ванную, а вы здесь пока без меня хозяйничайте.

– Да, быстро освоилась твоя дама, – сказал Федор, посмотрев на Леху, и прошел в комнату.

Сняв рюкзак и обувь, Алексей последовал за ним. Комнаты были большими, от яркого света люстры и белых обоев было светло. В углу стояли большой кожаный диван и два кожаных кресла, между ними журнальный столик. Федор, увидев диван, поспешил сесть на него.

– Сейчас немного подкрепиться не мешало бы, – сказал он громко.

– Ребята, холодильник на кухне, распорядитесь сами, а я кое-что сделаю и присоединюсь к вам, – ответил Тихон.

– Ну что, брат, чего стоишь? Давай накрывай на стол по-быстренькому, а то выпить и поесть хочется, – продолжал командовать Федя. Он возвращался понемногу в свое привычное состояние лидера и ироничного добряка.

Набрав из холодильника нарезки в вакууме и захватив спиртного, Алексей понес все в комнату. Разложив на журнальный столик еду и откупорив бутылку вина, он сел в кресло.

– А вот и я, – сказал Тихон, выходя из комнаты. Расположившись в кресле, он разлил вино по стаканам. – Как я ощущаю мысленно, вы хотите задать мне один вопрос: как там, в будущем? Отвечаю, там все замечательно! – все так же, как и всегда, улыбаясь, сказал Тихон. – Но если серьезно, то сейчас не это главное, главное то, чтобы вы за эту ночь смогли понять, что вам надо делать сейчас, и быстрее адаптировались, от вас зависит многое. Время сжимается, события происходят быстро, я с удовольствием рассказал бы вам и о будущем, и обо всем, что вас интересует, но после определенных событий мою память частично заблокировали, поэтому я расскажу вам о том, что у меня сохранилось.

Сказав это, он молча выпил стакан вина, и лицо его помрачнело.

– После окончания Галактической академии я, как и все выпускники, был во многих системах, побывал во многих галактиках, выполняя задания СМГП – Совета межгалактических планет. Мы все, помимо врожденных способностей, как вы бы сказали – экстрасенсорных, обладаем огромными знаниями и технологиями в разных областях, поэтому каждый, закончивший академию, получает звание «универсал». Мы знаем языки всех цивилизаций, которые входят в сообщество, конечно, есть те, которым не нравится сближение человеческой цивилизации с иными, но это было всегда: кто-то «за», кто-то «против». Главное, что сами пришельцы из созвездия Веги первыми оказали помощь, когда человечество рассматривалось другой цивилизацией просто как биоорганическая пища для них. Все это в прошлом, еще в начале двадцатого века Циолковский выдвигал гипотезу, что человечество через пятьсот и более лет видоизменится и приобретет другой статус, как внешний, так и внутренний. Ученый был прав: человечество сейчас другое. Мы можем телепортироваться самостоятельно, правда, не на долго, потому что для этого требуется много энергии, а разговаривать при помощи телепатии так же легко, как вам съесть бутерброд. Есть телепорты межгалактические, но они охраняются орденом Времени, и, чтобы пройти их, нужно согласие совета. Был у меня друг, в академии он являлся одним из лучших, любил изучать историю цивилизаций, достиг многих академических вершин, не один раз бывал на границе темных галактик – в общем все бы ничего, если бы...

Здесь Тихон замолчал, набив трубку табаком, прикурил.

– Я после окончания академии сразу ушел с головой в науку, изучал на Веге раскопки, потом работал в созвездии Лебеда, был в колониях на Луне, Марсе, Венере и стал забывать мою курсантскую жизнь. После небольшого отдыха меня послали в середину девятнадцатого века в качестве наблюдателя. Все шло хорошо, но затем начали происходить изменения, я сначала не понял, в чем дело, но, проанализировав и сопоставив факты, пришел к выводу, что кто-то при перемещении во времени принес с собой вещь из будущего. В исторической цепи произошел излом, а следовательно, события, которые должны произойти по спирали, могут пойти по другому пути, вот такие-то дела, друзья мои. Самое печальное то, что отступником

стал мой друг; для чего он это сделал, никто не знает. Его ищут везде, но найдут ли до того момента, как возникнут серьезные изменения, неизвестно.

Мужчины слушали его, затаив дыхание, и даже не заметили, как Светка вернулась после принятия ванны и села на диван.

– Невероятно, – проговорил Федор.

Он встал и пристально стал смотреть на противоположную стену, на которой висели полки, его взгляд остановился на колбах, которые стояли в ряд и притягивали каким-то непонятным способом, что даже глаз оторвать было невозможно. Внутри колб что-то бурлило и переливалось разными цветами радуги, дышало и сияло. Это было так красиво, так притягательно, что Федор, не отдавая себе отчета, потянул руку к одной из колб.

– Э... не советую трогать, Федор, а то загубишь одну человеческую душу, вдруг уронишь? Федор остолбенел.

– Как это? – сказал он тихо.

Тихон подошел к нему, посмотрел на полку и о чем-то задумался.

– Ты же постоянно меня мысленно спрашивал, как выглядят сейчас люди, правильно? – Он взглянул на Федора.

– Ну да, – ответил тот нерешительно, еще не привыкший к способностям нового друга.

– Они выглядят так, – сказал Тихон, и взял осторожно колбу с полки.

– Посмотри, это и есть новое поколение людей, вернее сказать, информационная субстанция человека.

Последние слова Тихона вовсе удивили ребят. После недолгого молчания первой опомнилась Светка:

– Подожди, как это, ты же перед нами сейчас человек, как мы, а не какая-то субстанция?

– Хороший вопрос, Светлана, хороший, только перемещаться во времени и пространстве в далекие столетия нам безопаснее в таком состоянии, да и потом мы другие, я же говорил вам. А вот наше перевоплощение происходит уже тогда, когда мы, как наблюдатели, начинаем заниматься своей научной работой. Да, конечно же есть и люди поколения индиго, но оно вымирает, живут мало, всего 250—300 лет, с детства им вводят медицинские боты, тем самым и продлевают их жизнь, а я же новое поколение, поэтому более совершенное, что ли...

– Как печально, – ответила грустно Светлана.

– Хорошо, кое-что понятно, только не ясно, что такое наноботы и каково их значение, – спросил Федор.

– Наноботы – это биоорганические жидкие роботы, они меньше клетки человека, а функция их проста: они просто следят за всем организмом человека и помогают ему, в итоге человек не болеет, не стареет – правда, на ограниченное время, до трехсот лет.

– Ничего себе, действительно человечество уже не то!

– Вы многое узнаете от меня о будущем, но не все сразу, в противном случае, в ваших умах будет неразбериха. Ладно, предлагаю выпить за нашу очаровательную даму и спать: завтра будет трудный день.

– Подожди, подожди, Тихон, ты всегда уходишь от ответа. А как же твой облик? Ты сейчас из плоти и крови, да еще и тойон, как это? – не унимался Федор.

– А... ты про это? – улыбаясь, сказал Тихон, щипля себя за лицо. – История и простая, и вместе с тем необычная, пока есть время расскажу немного. Мы не используем тела людей, это запрещено, перевоплощаемся за счет своей энергии то в зверя, то в птицу, только в особых случаях в человека, но здесь получился исключительный случай. Мне ничего не оставалось делать, как попросить у настоящего таена помощи. Если попытаться объяснить таену, кто я, он не понял бы, поэтому пришлось сказать, что я добрый дух, он согласился, но с условием, чтобы я не причинил зла его народу. Меня это устраивало. Я нахожусь недолго в его теле, тем более, что после окончания моей миссии он получит абсолютно здоровый организм.

– Подожди, подожди, Тихон, это что же получается, он и сейчас видит и слышит нас? – не унимался Федор.

– Не совсем так, его разум спит, и довольно-таки комфортно, поэтому подмены таена заметить невозможно. Его память как бы одно целое с моей, поэтому он наблюдает за моими действиями, и если ему что-то не понравится, он даст об этом знать. А так как я дух, то лишних вопросов он не задает, – сказал Тихон с улыбкой.

– Ты, конечно, извини, но это пахнет...

– Ты хочешь сказать, зомбированием? – перебил Тихон Федора.

– Да, что-то в этом роде, – продолжал Федор.

– Ты не представляешь, с каким сильным и хитрым противником мы будем воевать, а для этого нужны тела, а не чистая энергия. Да, возможно, со стороны это выглядит коварно, но главное – это судьба всего человечества, а тело и разум таена останутся невредимыми, не волнуйся. Для этого и прислали сюда в помощь еще шесть наблюдателей, которые стоят там на полке, и они завтра тоже приобретут человеческий облик.

Федора все больше и больше тянуло на разговор и он не мог остановиться:

– Как это будут невредимы и тело, и разум, а если пуля, зверь, да мало ли что?

Тихон взглянул на ребят и серьезным тоном ответил:

– Я гарантирую, что плоти и разуму ничего не угрожает. Не торопите меня, не все сразу, главное – восстановить равновесие. Света, не надо думать обо мне плохо и тем более с отворачиванием, – сказал Проводник.

– А ты не копайся в моей голове! – ответила Светка немного смутившись. – Обещаю тебе, что больше не буду, а теперь спать.

Глава 4. НАЗНАЧЕНИЕ

Первой проснулась Светка, которая толкала Алексея, чтобы разбудить его.

– Лешенька, Лешенька, вставай, милый мой, – мурлыкала она тихо и ласково.

Алексей открыл глаза, лениво потянулся и от неожиданности чуть не вскрикнул. Квартиры, где вчера они так хорошо сидели, не было. Они лежали со Светкой под каким-то одеялом из шкур в углу темного жилища. Голова трещала от боли, но встать почему-то не хотелось.

– Брат, ну как ты? – послышался из темноты голос Федора.

– Голова болит, сил нет, – ответил Алексей.

– И у меня тоже, – сказал тот.

– Меньше пить надо, и болеть не будет, – нравоучительно промолвила Светка.

В центре жилища горел небольшой костер, обложенный камнями, дым от которого уходил куда-то вверх, а аромат того, что варилось на нем, оставался в жилище. Мясо варилось в котле, и кто-то, помешивая его, шептал на непонятном языке. Полог у входа был откинут, и в жилище вошел Тихон:

– Друзья мои, доброе утро. Сейчас позавтракаем, и приготовьтесь к встрече с губернатором, выпейте этот настой из трав, голова болеть перестанет и вообще появится тонус. Можете не вставать, это последний сервис, который я вам предоставляю.

Сказав это, он подошел к выходу и окликнул кого-то. На пороге появились две молодые корячки маленького роста, с загорелыми лицами, черными косичками и белоснежной улыбкой. Одеты они были в комбинезоны, сшитые из летних оленьих шкур, на ногах торбасы. Тихон что-то негромко сказал им и показал рукой на ребят; те, хихикая, подошли к котлу, достали из него мясо и разлили бульон по деревянным плошкам. Нарезав большими кусками оленину и бросив в бульон черемшу, девушки поднесли это каждому из гостей.

– Извините, хлеба нет, – с сожалением промолвил наш благодетель.

– И не надо, – ответил Федор, жадно поглощая тающую во рту вкуснятину.

Мясо было действительно мягким и нежным, а бульон с черемшой добавлял ему исключительный особый вкус, чувство голода было утолено после съеденных немаленьких порций.

– А теперь фирменное блюдо на десерт, – сказал Тихон, как заправский шеф-повар, и девушки молча поднесли небольшие, но глубокие чашки с холодным содержимым.

Содержимое чашек пахло рыбой, хвоей и еще чем-то, но Алексей не мог вспомнить этот запах. Съев первый кусочек, Федор не выдержал:

– Блин, пища богов.

Действительно, содержимое напоминало холодец, но было что-то еще, что придавало этому блюду необычный вкус.

– Что это? – спросил Алексей, наслаждаясь каждым кусочком десерта.

– Это кисель из красной рыбы с толчеными кедровыми орехами. Мы варим кожу красной рыбы, постоянно помешивая, пока она не превратится в полупрозрачный студень, после этого добавляем туда толченый кедровый орех и еще варим некоторое время, затем разливаем по деревянным чашкам и ставим в холод, – закончил он, наблюдая, как ребята с удовольствием ели десерт.

После трапезы захотелось снова спать, головная боль ушла, по всему телу растекалось приятное тепло.

Это заметил и Тихон:

– Я понимаю, после еды хочется отдохнуть, но времени у нас на это нет, ребята. Света, тебе девушки помогут одеться.

Корячки подошли к ней, взяв оленью шкуру, и отвели ее в темный угол, закрывая шкурой, как ширмой.

– Я буду рассказывать, а вы слушайте и запоминайте, это необходимо для того, чтобы вы знали, с каким человеком вы будете иметь дело. Но для начала расскажу немного истории.

Задолго до русско-турецкой войны 1854 года и англичане, и французы пытались разведать все морские проходы Восточной Сибири и Дальнего Востока. В 1845 году полярная экспедиция Франклина пропала, и это послужило удобным предлогом для так называемого обследования английскими кораблями Авачинской губы, Татарского залива и других участков русского побережья. О том, что это пролив, они не знали. Наглость, с которой они действовали, не имела границ, их «ученые», наводнившие Восточную Сибирь, собирали сведения далеко не научного характера. Британский офицер Пим, специально прибывший в Россию, требовал немедленного пропуска его экспедиции вдоль северо-восточного берега Сибири для поиска сухого пути исчезнувших соотечественников. Пиму отказали в его требованиях, но «любопытность» английских «следопытов» не убывала. В начале этого года, в январе месяце, в Петропавловскую гавань вошло вооруженное коммерческое судно под флагом США, документы на нем оказались не в порядке, и таможенные чиновники решили его досмотреть. Тогда на «купце» немедленно спустили американский и подняли английский флаг. К портовым властям прибыл капитан Стортинг, заявивший, что судном командует он, а не янки. Выдававший себя за капитана человек был не кто иной, как самозванец.

Французы тоже не отставали от англичан, миссионер одного из монашеских орденов де ля Бруньер, проповедуя «слово божье», не упустил момент и с ловкостью матерого шпиона разведал бассейн реки Уссури, на таком же неблагоприятном деле попались «путешественник» Гиль и «геолог-исследователь» Остен.

Я это говорю к тому, что время объявления России войны Англией и Францией идет на дни, воинственные заявления англо-французской печати, плохо скрываемая разведка дальневосточных земель, хищничество промысловиков и китобоев у русского побережья не могут не беспокоить губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева, назначенного на этот пост в 1849 году. Для защиты побережья бала нужна полнокровная военная флотилия, губернатор доносил в Петербург: «Смею думать, что Камчатке и Охотском море нам должно

иметь военные средства соответственно тем, которые имеют англичане у китайских берегов и на Сандвичевых островах». Несмотря на серьезную мотивацию, планы Муравьева в столице сочли «мечтой и фантазией», приписав их «пылкости его воображения», и ни денег, ни пушек Петропавловску не отпустили. Муравьев полагал, что на пост губернатора Камчатки нужен человек, сочетающий в себе талант гражданского администратора и военного деятеля, этим требованиям, по его мнению, соответствовал начальник нового порта Аян, капитан второго ранга Василий Степанович Завойко, которому он и предложил эту должность вместе с чином генерал-майора.

Василий Степанович Завойко, мелкопоместный дворянин Полтавской губернии, родился в 1809 году, в черноморскую гардемаринскую роту поступил 12-летним подростком, в 1824 году мичманом вместе с Нахимовым участвовал в Наваринском сражении, затем под его началом служил на корвете «Наварин». Позже был участником двух кругосветных плаваний, в 1839 году поступил на службу в Российско-Американскую компанию, где был назначен начальником Охотской фактории и вскоре добился перевода ее в Аян, откуда более удобными и короткими путями доставляли грузы в Иркутск. Завойко принял пост военного губернатора и по совместительству командира Петропавловского порта 25 июня 1853 года. Деятельность Василия Степановича Завойко не ограничилась строительством Петропавловского порта и оборонительных сооружений. Он вел борьбу с грабительским отношением торговцев к местному населению, в чем он убедился лично, объезжая населенные пункты полуострова. По его инициативе под надзором чиновников стали проводиться торговые ярмарки, чтобы исключить обдирание камчадалов. Он привлек медиков для обследования и лечения местного населения от таких болезней, как цинга, оспа, открыл лечебницу для прокаженных на Паратунских горячих источниках и восстановил лечебницу в Малках, по его инициативе из Охотска завезли коров и создали Николаевскую скотоводческую ферму. Была построена мельница в Ключах, а в Мильково – ткацкая мастерская по производству полотна из крапивы, от Петропавловска до села Авача прорубили дорогу. За короткий срок Завойко сумел соорудить в порту верфь для постройки каботажных судов, пристань, литейные мастерские, новые казармы для нижних чинов, офицерский флигель, ямы для обжига кирпичей в бухте Ягодная. Необходимых для многочисленных построек материалов: металла, древесины, кирпича и многого другого в городе не было, практичный Завойко на судах «Камчадал», «Охотск», «Иртыш», «Курил» организовал вывоз из Охотска разобранных деревянных построек, кирпича, железных деталей и даже старых гвоздей, которые переплавлялись в литейных мастерских. Нужно было использовать местные резервы, ведь на поставках с материка не проживешь. – Здесь Тихон прервал свой рассказ, подошел к ведерку с водой, которое стояло недалеко от очага, зачерпнул ковшом и, напившись холодной родниковой воды, продолжил: – Так вот, с 1850 по 1851 год на собачьих упряжках он отправился изучать полуостров. Его прежде всего интересовал строительный лес, в поисках леса он добрался до Нижнекамчатска. Летом сам поехал в Тарьинскую бухту на поиски глины, в результате этих поездок под Нижнекамчатском зимой стали заготавливать лес, а в Туринской бухте открыли кирпичный завод. Без дополнительных средств Василий Степанович организовал постройку шхуны «Анадырь», ботов «Алеут» и «Камчадал» и двенадцативесельного катера. К тому, что я перечислил ранее, было построено свыше тридцати зданий разного назначения: склады, казначейство, канцелярия, таможня, аптека, частные дома. Город получил новую жизнь, население выросло вчетверо.

Как военный человек, Василий Степанович Завойко лично обследовал Авачинскую губу, определил расположение будущих артиллерийских батарей и без какой-либо существенной помощи от правительства, обходясь своими силами и средствами, приступил к их строительству. Камчатская военная флотилия ни по составу, ни по вооружению не способна противостоять даже слабым боевым кораблям, она состоит из парусно-паровой шхуны с двигателем мощностью 40 лошадиных сил и десятипарусных судов общим водоизмещением около тысячи

тон, вооруженных 62 малокалиберными, скорее сигнальными, чем боевыми, пушками. Любой военный бриг в несколько раз сильнее всей флотилии. Все это вы увидите сами, когда поедем в город. Ну и в заключение к портрету губернатора последний штрих, – сказал Тихон. – У Завойко большая семья, девять детей, старшему сыну тринадцать лет, младшей несколько месяцев. Живут они скромно. Питаются в основном рыбой, даже белая булка в доме считается лакомством, губернатор отдается весь служению Отечеству. В общем, ребята, мужик он строгий, но справедливый, горожане и местные племена его уважают. Зная его характер, под разными предлогами люди втайне от него помогают семье, кто чем может: охотники – частью своей добычи, чавучены – олениной, рыбаки – рыбой.

– Да, таких служак в наше время не сыщешь, все только норовят что-нибудь украсть ради своей наживы, – сказал Алексей.

– Это точно, найти такого человека в наше время сложно, – подтвердил Федор.

– Нет, ты не прав, Федор. В каждой эпохе есть прогрессивные люди, которые просто выполняют профессионально свою работу, да и нельзя здесь по-другому: здесь суровый край.

– Да, суровый, жара и влажность, – сказал недовольно Федор.

– Жары в такое время не бывает, я же объяснял, а вот влажность потому, что океан рядом. Все это можно пережить, если не замечать эти неудобства и заняться делом... кстати, о деле: в помощь Завойко были направлены два офицера с секретной миссией из Иркутска, но по дороге сюда с ними что-то случилось. Я тайно был в Иркутске и занимался расследованием этого дела, но ничего не нашел, кроме вот этого. – Тихон достал откуда-то из темноты два кожаных свертка. – Это документы, которые представляют вас как офицеров, мундиры и поручение губернатору Камчатки. Теперь вы будете замещать тех офицеров.

– Как это замещать и где все-таки они? – не унимался Алексей – И эти мундиры?

– Да, действительно, Тихон, может, хватит юлить? Где те офицеры?

– Я же говорю вам, что не знаю, одно лишь могу сказать, что, скорее всего, офицеры пострадали из-за «лихих» людей, сейчас этого сброда хватает, особенно на дорогах. А насчет мундиров, так они сшиты по вам, я сам снимал мерки с вас, пока вы спали. Точная копия тех, одевайтесь спокойно – и в путь, нам до темноты надо попасть в город.

– И когда только успел? – проворчал Федор.

– На то он из будущего, все, что для него обыденно, для нас это чудо, – улыбаясь, ответил Алексей, застегивая золоченую пуговицу мундира, вышел на свет.

– Алешенька, ты просто генерал! – воскликнула Светка.

Алексей стоял в свете солнечных лучей и весь сиял. Его золотые эполеты с толстой бахромой и золотым шитьем на темно-зеленом мундире, черные кожаные, до блеска начищенные сапоги – все блестело на солнце.

– Насчет генерала это вряд ли, а полковник гвардии – это точно. Вы штаб-офицеры, господа офицеры гвардии, – сказал Тхе торжественно.

Светка вышла из темного угла жилища.

– Ба, да ты барышня-крестьянка, Света! – промолвил Федор с иронией.

– Да, зато ты просто герой из классики, не хватает сказать только: «К нам едет ревизор!» – ответила она язвительно.

Федор посмотрел на нее недовольно, но ничего не ответил. Только сейчас, когда Федор подошел к выходу из жилища, все увидели, как Светка была близка к истине. Федор, одетый в такой же темно-зеленый мундир, сшитый из сукна по его фигуре и расшитый золотым галуном, с золотыми эполетами, выглядел представительно, как городничий из классического произведения.

– Так, еще что-нибудь кто скажет, я сниму этот мундир, и на этом все закончится, – проворчал он недовольно, выходя из яранги.

Только после его ухода ребята дали волю своим эмоциям, они смеялись, уже не сдерживая себя, и что-то говорили, перебивая друг друга и еще больше смеясь.

На улице было тепло, солнце только поднималось после прохладной ночи и не палило лучами, а приятно грело. Федор снял головной убор – небольшую кожаную черную каску, покрытую лаком, посередине которой торчал золоченый наконечник, на лобной части ее размещался двуглавый орел, а украшал каску небольшой белый султанчик из конского волоса. Федор расстегнул ворот мундира и вытер пот со лба.

На улице в стойбище текла своя, размеренная жизнь. Женщины постарше очищали оленьи шкуры костяными скребками, молодые развешивали их. Детвора бегала и играла во что-то, крича и, как это всегда бывает, мешая взрослым заниматься своей работой. Новоиспеченный гвардейский штаб-офицер стал осматривать все стойбище. «Ничего примечательного, поселение как поселение для кочевых народов», – думал он про себя. По обе стороны от дороги стояли жилища коряков, однотипные яранги, и только ближе к поляне, где вчера горел большой костер, стояла не совсем обычная, она выделялась из всех. Федор стал внимательно присматриваться к ней, и его догадка подтвердилась, когда из жилища вышла смуглая девушка с длинной черной косой. Она была выше ростом, чем местные, да и выглядела совсем по-другому. Стройная фигура и уверенная походка привлекли внимание офицера. Само жилище было, безусловно, вигвамом. «Но откуда здесь индейцы? – подумал Федор. – Надо будет расспросить Тихона», – продолжал он рассуждать и наблюдать за девушкой. Та, не замечая пристального внимания офицера, продолжала развешивать шкуры, как и все женщины. Девушка действительно была хорошо сложена, холщовое приталенное платье длиной почти до пят расшито всякими диковинными узорами из бисера, кусочками кожи и меха, что еще больше выделяло ее среди всех женщин. По рукавам платья шла тонкая бахрома из кожи, она же украшала и грудь незнакомки. «Да, хоть что-то приятное: и грудь, и попа – просто сказка, – подумал Федор, улыбаясь про себя. – И все-таки надо более подробно узнать об индианке у Тихона, просто интересно, откуда она?» – продолжал размышлять полковник. Между тем девушка заметила офицера и, к удивлению, посмотрела на него без смущения. Голову индианки украшал узкий кожаный обруч, на котором сзади торчало небольшое белое перо. «Да, симпатичная девица, надо познакомиться поближе», – продолжал про себя офицер в предвкушении чего-то приятного.

Ребята вышли из гостеприимного жилища на улицу уже без смеха, с серьезным видом. Алексей мельком взглянул на брата и заметил, как тот внимательно что-то рассматривает на территории стойбища. Он посмотрел туда же и увидел девушку, оба брата наблюдали за каждым ее движением. Между тем девушка заметила второго мужчину, смотрящего на нее, и, смутившись, наклонила голову и быстро скрылась в своем жилище от любопытных глаз.

– Ну вот, все испортил, – сказал Федор недовольно.

– Ладно, пошли, нечего стоять и глазеть на местных красавиц, посмотримся еще, – сказал Алексей.

– Да уж, насмотришься тут с тобой, вечно суетишься не по делу, – продолжал возмущаться Федор.

– Да ладно тебе. – Алексей застегнул воротник мундира – Пойдем, нас уже заждались.

Запряженная в телегу лошадь стояла недалеко от яранги, Светка и Тихон о чем-то тихо беседовали. Молодой коряк держал лошадь за поводья, поглаживая ладонью ее морду. По всей телеге было разложено сено, поверх которого расстелена оленья шкура.

– Можена ехать, – прошепелявил он своим щербатым ртом.

– Поехали! – скомандовал Тихон, усаживаясь поудобнее.

Он сел рядом с извозчиком, а остальные расположились по обе стороны подводы. Дорога была извилистой, она шла то вниз, то вверх вдоль изменчивых ландшафтов. Телега ехала медленно, жара усиливалась, и, несмотря на старания Тихона смягчить дорожную тряску, все пре-

лести путешествия они почувствовали, выезжая на каменистую местность. Алексей попытался что-то сказать, но у него просто клацали зубы в такт трясущейся по дороге телеги. Он спрыгнул с нее и пошел рядом.

– Там, в низине, можно попить холодной родниковой воды, да и перекусить не мешало бы. Мы уже четыре часа в пути, в тени переждем жару и двинемся дальше к нашей цели, – сказал проводник.

Каждый из них был рад этому известию, но вида не подавал. Две собаки-лайки, прибежавшие из стойбища, сопровождали их, изредка отбегая от телеги, распугивая сидевших в сырой чаще рябчиков, вдоль речки, которая протекала рядом с дорогой. Они отлетали в глубь леса, пересвистываясь друг с другом, заманивая лаек в чашу, но те, распугав птиц, возвращались обратно к телеге. Дорога разделилась надвое, правая шла на реку, левая уходила в глубину леса. Здесь коряк остановился и, обращаясь к спутникам, сказал:

– Капитана! Дорога хорошо смотри. Конь ходи есть, тебе ходи есть, конь ходи нету, тебе ходи нету.

Для непривычного уха такие фразы показались бы бессмысленным набором слов, но Алексей, к своему удивлению, его понял сразу. Он говорил, что надо придерживаться конной тропы и избегать пешеходной. Коряк стал поправлять упряжь лошади, а Алексей подошел к Тихону:

– Послушай, Тихон, а почему твой соплеменник называет нас капитанами, мы ведь полковники лейб-гвардии, и я его понимаю, как будто говорил с детства на его родном языке?

– Так и есть, Алексей, ты знал этот язык с детства. Ты сейчас не помнишь об этом, пока не восстановилась твоя память, но скоро все, чему ты не придавал особого значения в жизни, поможет тебе здесь. Воспринимай все кажущееся необычным спокойно, это твой опыт, твои знания, твое, если хочешь, оружие. А насчет капитанов, то местные всех офицеров так называют, кроме губернатора. Его они называют большим человеком или большим хозяином, проще им, наверное, да и звания им знать ни к чему. Городок маленький, всех знают в лицо.

Тихон слез с телеги и, что-то сказав своему сородичу, пошел вперед. Тот, ответив утвердительным кивком, последовал за ним, ведя за поводья лошадь. Алексей же плелся за телегой, изнемогая от жары и жажды, но все еще уверенный в том, что лучше идти пешком, хотя бы этот отрезок пути, чем сидеть в телеге, как на дробильном агрегате.

Внезапное потепление сказалось и на таянии снега и льда, который лежал в это время на сопках и сковывал реки, следы недавнего большого наводнения были повсюду. Чем ниже спускались путники в долину, тем больше порогов встречалось на реке. Тропа стала часто переходить с одного берега на другой, деревья, упавшие на землю, служили природными мостами. Путников окружал смешанный лес с преобладанием кедра; сильно размытые берега реки, бурелом, нанесенный водой, рытвины, ямы, поваленные деревья и клочья сухой травы, застрявшие в кустах – все это напоминало о наводнении. Минувя все препятствия и завалы из деревьев, они вышли на старую конную тропу. Тихон шел впереди, изредка поглядывая на спутников, на пути им встречались звериные следы, среди них было много медвежьих. Несколько раз они замечали диких оленей, которые, увидев людей, скрывались в зарослях кустарника. Тропа шла все ниже и ниже по склону сопки. Жар палящего солнца и духота действовали на людей угнетающе. Федор уже снял верх мундира и сидел в белой, как снег, рубахе. Светка окончательно свыклась с положением, молчала, с какой-то грустью поглядывая на Алексея. После мучительной дороги они оказались на небольшой поляне, расположенной рядом с рекой. Светлана, не дожидаясь, когда остановится телега, спрыгнула с нее и пошла к реке.

Выбрав место для стоянки, Тихон сказал:

– Распрягать лошадь не будем, перекусим, немного отдохнем и поедем дальше, часа через два будем в городе!

– Зачем такая спешка, тем более сам говоришь, что скоро город будет? – спросил Федор, совсем уже разомлевший от жары.

– Зачем? Затем, мой друг, что ты сам к вечеру будешь бежать впереди телеги подальше от этого места. Мы сейчас в тени, да и ветерок с реки, и вроде бы ничего, но к вечеру появится крупная мошка, а за ней мокрец – мельчайшие, почти невидимые для глаза насекомые, и все это тучами. Начинают сильно гореть уши – это первый признак появления мелкой мошки. По всему лицу ощущается зуд, и чем больше чешешь, тем больше отекает место укуса, и этот отек может держаться не менее трех дней. Мокрец набивается в волосы, лезет в уши, нос и рот, от гнуса одно спасение – бежать от него или дымокуры, да и комарников у нас нет, чтобы заночевать. А теперь представь, какими вы предстанете перед губернатором. Нет, я этого позволить не могу, поэтому перекусим, немного отдохнем и отправимся дальше.

Сказав это, Тихон стал разбирать кожаные мешки, которые он положил на телегу в последний момент перед отъездом. Светка вернулась с реки и стала помогать Тихону накрывать на стол. Алексей и Федор, сняв с себя мундиры, прыгнули в желанную прохладу реки, но долго им не пришлось купаться: вода была слишком холодной, несмотря на жару. Бьющие из земли родники питали эту реку и не давали воде прогреться даже от палящих лучей солнца.

После бодрящей воды, приведя себя в порядок, ребята подошли к готовому столу, в еде изыска не было, все скромно, но аппетитно выглядело. Посередине расстеленной оленьей шкуры, заменяющей скатерть, лежал большой круглый хлеб, вареная оленина, нарезанная большими кусками, была украшена листьями черемши, копченая красная рыба и полная тарелка красной икры подогревали их аппетит. Здесь же стояли небольшой кувшин с родниковой водой и деревянные кружки. К трапезе приступили молча и в течение всего обеда не проронили ни одного слова. Утолив голод, все расположились под тентом из оленьей шкуры. Тихон, срубив два небольших тонких деревца, обстругал их, затем положил две жердины по краям телеги, закрепил и расстелил на них шкуру. В тени было прохладно, запах травы и аромат полевых цветов дурманил голову и клонил в сон. Алексей уснул. Снился ему чумазый, узкоглазый, сильно загорелый мальчишка. Мальчуган хныкал и говорил на каком-то языке, показывая ссадину на ноге, рядом стоял мальчишка такого же возраста, одетый в футболку и шорты, обутый в кеды, и успокаивал его, отвечая на его причитания на коряжском языке.

– Да это же Камаки, а рядом с ним я. – Алексей улыбнулся во сне.

В школе, где учился Алексей, учился с ним в третьем классе и Камаки. Мальчишка-коряк дружил с первого класса с Алексеем, вместе они играли в войнушку, в индейцев, ходили на рыбалку, а Камаки учил его читать и понимать следы животных. Дружба была крепкой, пока его родители, работавшие оленеводами, не забрали сына в стойбище, так и потерялись следы друга Камаки.

– Да, детство, детство... – продолжал улыбаться во сне Алексей. – Как давно это было.

Сонная идиллия продолжалась около трех часов. Вечерело. Палящий зной уходил на убыль. Подъем был недолгим, сборы тоже. Тихон, ловко собрав тент, уложил шкуру в кожаный мешок. Офицеры надели мундиры, приводя их в порядок, снимая колючки и отряхивая их от травы. Погрузив свой скудный скарб на телегу, они отправились дальше, приближаясь к неизвестной манящей тайне, которая, как они думали, должна была скоро разрешиться. Ни тряска телеги, ни наступающий гнус не мешали им. «Скорее бы показался город», – думал каждый из них, оставляя за собой минувшие события, которые проходили как один миг. Телега катилась мягко по песчаной дороге черного цвета. Многовековые и частые извержения вулканов с выбросом вулканического пепла сделали свое дело, изменив цвет песка. Они ехали молча, покачиваясь из стороны в сторону, кратковременный отдых придал им силы. Прохладный ветерок с моря делал их путешествие приятным. Дорога уходила то вниз, то вверх по склону сопки, то по краю обрыва скалы, и тогда ребята слезали с телеги, опасаясь упасть в бездну. Тихон сидел с невозмутимым видом, как будто ничего не происходило, разговаривал

со своим соплеменником. Дорога от стойбища до города для него была привычной. Так они двигались около двух часов, пока навстречу им не выехал всадник. Он находился еще далеко, но по клубам пыли было видно, что он спешит, не жалея своего скакуна. Алексей почувствовал, что Тихон напрягся, внезапно прервав разговор со своим родичем. Всадник быстро приближался. Выражение лица у тойона и тревога в глазах, с какой он смотрел вдаль, подтвердила догадку Алексея, что проводник не готов был к этой встрече. Кавалерист сбавил ход лошади, перейдя на шаг, явно направляясь к ним. Это был казак: желтые лампасы на широких штанах и бескозырка с желтым околышем виднелись издалека. Увидев офицеров, он направился к ним, приветствуя, подъехал к телеге, умело развернул своего гнедого и встал как вкопанный. Алексей посмотрел на казака. Всадник был могучим, с широкой грудью и плечами, так что лошадь под ним казалась игрушечной. Алексей усмехнулся про себя.

– Прошу прощения, ваши высокие благородия, но я ищу их высокоблагородия господина лейб-гвардии полковника Чернова, – сказал он басом с хрипотцой. Из-под бескозырки его торчал кучерявый чуб, а пышные черные усы, закрученные кверху, придавали казаку особый колорит.

– Я Чернов, чего тебе, служивый? – ответил Алексей, застегивая воротник мундира, и спрыгнул с телеги. Внутри у него все колотилось и тряслось, но раз попали в такую ситуацию, значит, надо выпутываться и скорее адаптироваться в этом веке – так рассуждал Алексей, стараясь держаться увереннее.

Федор последовал примеру брата, спрыгнул с телеги и подошел к Тихону.

– Тогда это вам, донесение от их превосходительства губернатора Завойко! – отчеканил он браво и с этими словами вытащил из дорожной сумки, привязанной к седлу, пакет и передал офицеру.

Срывая сургуч, Алексей посмотрел на казака.

– Как зовут тебя, казак? – уже не глядя на него, спросил Алексей, пытаясь прочитать вскрытое письмо.

– Карандашев я, пятидесятник! – так же коротко ответил тот.

Не получив никаких указаний от офицеров, еще немного постояв, он, козырнув им, развернул коня и, прищпорив его, умчался прочь как вихрь. Опять тишина, только крик чаек и щебетание каких-то птах нарушали ее.

– Что там? – спросил Тихон.

– Вот, возьми сам и прочитай, а то я ничего не пойму. – С этими словами Алексей передал письмо проводнику.

Тихон читал быстро, изредка задерживаясь на чем-то важном, немного подумав, продолжил читать дальше. Письмо было написано на гербовой бумаге красивым почерком, с печатью и подписью губернатора.

– Что пишет нам губернатор и почему оно адресовано Лехе? – спросил нетерпеливо Федор.

– Да, действительно, почему мне? – поддержал Алексей.

– Послание действительно адресовано тебе, но обращено оно к вам обоим, суть письма, если опускать международное положение, в следующем. Так, где это... «а по сему предписываю вам в целях секретности вашего прибытия в Петропавловск... надлежит быть в гражданском платье, с которым вам поможет тойон. Обстоятельства дела и причины, по которым вы испытываете неудобства, объясню при личной встрече». А дальше все реквизиты, печать и подпись губернатора, – сказал Тихон задумчиво.

– Насколько я понял, нам надо переодеться. Но где мы возьмем одежду, да и где переоденемся, не здесь же на дороге? – сказал раздраженно Федор.

– Как раз это не проблема, как вы уже убедились, и я что-то могу сделать для вас. Здесь недалеко есть охотничий домик, там и переоденемся, приведем себя в порядок, отдохнем, – ответил Тихон, сядя на телегу.

– Блин, надоели мне все эти переодевания, неужели обязательно это делать? И вообще все надоело, – неожиданно для всех расплакалась Светка.

Алексей обнял ее и поцеловал: – Милая моя, любимая, потерпи, скоро приедем, все наладится, главное, что мы вместе, – шептал он ей на ухо, успокаивая.

Света прижалась к Алексею, поцеловала его в ответ.

– Ты прости меня, Алешенька, за мою слабость, устала я, – сказала она, поправляя платок на голове.

Солнце уже клонилось к закату, и дневная жара спадала.

– Теперь все в порядке, можно ехать – сказала она, пытаясь улыбнуться, удобнее усаживаясь на телегу и прижимаясь к своему любимому.

– Все уселись? Тогда вперед! – скомандовал проводник, и телега, набирая ход, покатила по влажному песку, и ветер обдавал их своей морской свежестью и прохладой.

Уже можно было отчетливо видеть строения города, но Тихон повернул на еле заметную тропу, ведущую в лес. Проехав еще немного по лесной дороге, они уперлись в замшелую избу, которая почти вросла в землю.

– Вот и приехали, подождите меня немного, я сейчас.

Тихон, спрыгнув с телеги, быстро направился в избу. Остальные, разминая от «комфортной езды» затекшие ноги и тело, стали осматривать место прибытия.

Ничего необычного не было, кроме самой избы, которая стояла почти на половину вросшая в землю, и небольшого родничка, бьющего фонтанчиком. Алексей подошел к жилищу, сквозь щели которого он увидел Тихона. Тот вытащил свой уже знакомый Алексею серебряный прибор и направил его куда-то в дальний угол. Мгновенно вся изба озарилась светом, который затем быстро исчез. От неожиданности Алексей отскочил, решив, что лучше не мешать проводнику; он направился к ребятам. Через некоторое время появился Тихон, неся в руке большой мешок серебристого цвета.

– Одевайтесь, времени остается мало, скоро будет совсем темно, а нам еще предстоит явиться к губернатору и разместиться потом где-то надо! – почти командным голосом сказал он.

Помня о том, что они должны подчиняться проводнику, и то, что каждый из них хотел скорее добраться до города, они решили без споров и промедления надеть то, что принес Тихон, как бы это ни выглядело на них смешно и убого. Светка открыла мешок и стала раскладывать вещи на траве. Две холщовые рубахи, похожие чем-то по крою на гимнастерки, черные сапоги из мягкой кожи, два ремешка и широкие суконные штаны темно-синего цвета. Они начали одеваться. Застегнув воротник рубахи на две кожаные пуговицы и поправив ремешок на поясе, Алексей посмотрел на брата. Тот, освободившись от узкого мундира и надев просторную одежду, чувствовал себя весьма удобно. Больше всего Федор остался доволен сапогами, они были ему по размеру и не жали нигде.

– Вот это мой размерчик, не жмет, да и вообще легкие, нормальные сапоги, – сказал он, улыбаясь и подойдя к Алексею, загадочно посмотрел на него, потом плюнул себе на ладони и пригладил его волосы на прямой пробор – Вот такого штриха не хватало тебе, братишка – смеясь, сказал Федор.

Алексей не растерялся от такой шутки брата и то же самое сделал с его волосами, быстро и неожиданно, так что Федор перестал смеяться и смотрел на Алексея, как бык на тореадора.

– Ты чего это творишь?! – возмутился он.

– А ты чего?! – ответил в тон ему Алексей.

– Да хватит вам, это жара на вас действует, как дети, – смеясь, сказала Светка, – вы оба похожи на приказчиков купеческого двора, как из классических рассказов или фильмов.

– Да ну тебя, Света, вечно ты сравниваешь нас с кем-то, – ответил Федор, улыбаясь и уже не злясь на брата, поправляя свою прическу.

– Все, драчуны, закончили, садитесь в телегу, ехать надо уже, – послышался голос Тихона, который наблюдал за всем происходящим. – И, если честно, ребята, Света права, вы похожи на приказчиков, точно говорю.

После этих слов воцарилась тишина и все посмотрели на Тихона.

– А что я, я ничего, просто к слову, – ответил он как-то растерянно.

– Но, пошла! – скомандовал возничий лошади, и телега, поскрипывая, поехала по уже знакомой дороге.

Они продолжили путь. До поворота домчались быстро; выехав на главную дорогу, Тихон только изредка погонял лошадь.

– В документах пропавших офицеров было письмо, адресованное губернатору лично, его я и отослал с гонцом, а тот, наверное, и сказал, что мы выехали уже из стойбища. В послании было написано о вас, о вашей миссии в городе и службе в гарнизоне. В общем, ничего необычного, одного не пойму: зачем такая спешка? – рассуждал вслух проводник.

– Приедем, узнаем, что сейчас гадать? Ты лучше скажи, что за казаки такие огромные, как тот, который приезжал. Руки у него, как большая лопата, да и рост, наверное, под два метра, просто богатырь какой-то. Немного смешно было видеть его на коне, лошадь под ним, словно пони, – сказал Алексей, улыбаясь, глядя на ребят.

– Да знаю я его, это пятидесятник Карандашев Алексей Степанович. Кстати, твой тезка, тоже Алексеем кличут. Так вот, силы он необыкновенной, подковы гнет, гвозди забить в дерево может, даже камни кулаком разбивает. Они с казаками часто на ярмарке устраивают такую потеху. Сам мужик он суровый, но справедливый, у казаков да и у жителей он в почете. И губернатор его уважает, городок-то маленький по вашим меркам, как небольшой районный центр или просто деревня. Так-то. А насчет его лошади, ты скажи ему сам, думаю, он по достоинству оценит твою шутку, – сказал Тихон невозмутимо.

Федор, молчавший всю дорогу, вдруг растянулся в улыбке.

– Ты чего лыбишься? – спросил Алексей. – Вспомнил что?

– Да нет, представил только, как казак отвечает на твой вопрос, нравоучительно рассказывая тебе о достоинствах своего коня. – И он тихо засмеялся.

– Да ладно тебе, – ответил Алексей, улыбаясь.

Смеркалось, вдалеке залаяли собаки, и была уже слышна людская речь и лошадиный топот по городским улицам. «Вот и город», – подумал Алексей, вглядываясь в темноту, надеясь что-либо увидеть. Тихон умело правил лошадью, объезжая канавы и бугры. Разглядеть город было невозможно, но слабый огонек в окошках домов можно было увидеть. Они ехали по темной улице, вымощенной деревянными настилами, и скрип их телеги отзывался эхом по всему городу. Завернув за угол какого-то строения, Тихон остановился.

– Все, приехали, – сказал он.

Путешественники, уставшие от дороги и дневной жары, а сейчас продрогшие от холодного вечера, нехотя слезли с телеги.

– Теперь, ребята, выслушайте меня внимательно, – сказал проводник уже строгим голосом. – Ничего не бойтесь и ведите себя непринужденно, говорите спокойно. Когда будете говорить с губернатором, сначала слушайте, потом отвечайте. И последнее: ничему не удивляйтесь, тело должно быть расслабленным. Всем понятно? – обратился он к ним.

Только после этих слов, все окончательно проснулись, сон улетучился, захотелось домой.

– Господи, Тихон, о чем ты просишь, мы ни хрена не знаем... Какая беседа с губернатором? Какое тело расслабленное, зубы так и стучат от холода, что за версту слышно, – почти шепотом нервно ответил Алексей.

– Вы так ничего не уяснили, друзья мои. Я же говорил вам, что у вас у каждого будет НП – невидимый переводчик или помощник, называйте, как хотите. Он вам поможет на первых порах адаптироваться, как я и говорил раньше, да и я рядом буду всегда. Только не вызывайте меня по пустякам, много энергии уходит, чтобы телепортироваться, поэтому просто задайте мне мысленно вопрос, и я отвечу вам. Все ясно? А теперь выпейте, это поможет привести ваш мозг в порядок.

Он вытащил откуда-то большую флягу, которую они ранее не видели. Первым, кто отпил из емкости, оказалась Светка, она, нерешительно сделав пару глотков, отпила еще, потом еще, затем передала флягу Федору и сказала:

– Спасибо, Тихон, за лимонад! – И пошла к телеге собирать вещи.

Федор пил большими глотками, как будто не мог напиться, потом похлопал по плечу Тихона:

– Спасибо, дружище, пиво просто классное, давно не пил такого, пойду помогу Свете. – И, сказав это, он скрылся в темноте.

Алексей стоял в недоумении, не понимая, что происходит с ребятами, держа в руке флягу.

– Пей, Алексей, не бойся, нам уже пора идти – сказал проводник, хитро улыбаясь.

Хотя его улыбки не было видно, но Алексей это почувствовал. Он осторожно сделал глоток, и приятный аромат чая с лимоном ударил в нос; отпив еще немного, вернул флягу Тихону. «Опять проделки проводника», – подумал он. Удивительно, но сон и усталость быстро прошли, неизвестность грядущих событий больше не пугала его, он чувствовал легкость и свободу, его тело наполнялось энергией, и каждая клетка его организма становилось сильнее.

– Что это?

– Не волнуйся, друг мой, обыкновенный чай, – ответил Тихон так же хитровато.

Алексей хотел что-то возразить, но Тхе уже не слушал его, он разговаривал с ребятами. Что еще их ждет, какие сюрпризы от Тихона, знал только он сам. Алексей подошел к ребятам, которые о чем-то спорили и обсуждали с Тихоном какую-то тему.

– Вот, все в сборе, – сказал проводник. – Можно теперь идти к губернатору. Еще раз напоминаю, во время представления вас губернатору не сопротивляйтесь помощи НП, а то вид у вас будет дурацкий, да и неудобства для вас появятся. – Сказав это, Тихон, как всегда, улыбнулся.

Ночь была чудесная, луна, как большой прожектор, светила на темном безоблачном небе в окружении мерцающих звезд и освещала улицы города, как солнце днем. Можно было видеть городские здания, дома и разные пристройки к ним. Проходя мимо, Алексей пытался разглядеть их. В воздухе пахло свежеструганным деревом, и, чем ближе подходили, тем сильнее чувствовался запах. Впереди появилось двухэтажное здание, видимо построенное недавно. У входа в резиденцию губернатора стоял человек высокого роста, в лунном свете блестел штык его ружья, который возвышался над плечом караульного. Лица караульного разглядеть не удалось, одет он был в шинель с двумя перевязями белого цвета, идущими слева направо и справа налево, только они и выделялись в темноте. У караульного слева на поясе висело холодное оружие, рукоять которого торчала из ножен; какое точно, Алексей определить не мог, то ли палаш, то ли сабля, на правой стороне крепилась сумка – видимо, для пыжей, пороха и пуль. Головной убор на караульном был высоким, на нем поблескивал золотом двуглавый орел.

Они все приближались к часовому, он окрикнул:

– Стой, кто идет?

Тихон ответил:

– Служивый, это я, Тойон.

– Проходи! – ответил караульный, продолжая неподвижно стоять у входа.

Войдя в здание, они остановились, было темно и тихо, и только кто-то спускался по лестнице, стали отчетливо слышны шаги. На первом этаже располагалось караульное помещение для тех, кто нес службу по охране губернатора, откуда проникал тусклый свет от лампы. Через несколько мгновений к ним приблизился небольшого роста человек с канделябром на три свечи, и они увидели перед собой подростка лет двенадцати.

– Господа, их превосходительство ждет вас! – сказал он четко и торжественно.

Они стали подниматься по лестнице вслед за идущим впереди отроком на второй этаж и оказались в темном помещении, где пахло воском. Мальчишка, который их сопровождал, поставил канделябр на стол, стоявший в углу, и немедленно вышел, плотно закрыв за собой дверь.

– На сегодня моя миссия закончена, увидимся завтра, – сказал Тихон. – Света, ты присядь на стул, он там, возле стола, ребята должны идти к губернатору без тебя. А вы, друзья, помните, о чем я вам говорил. – Сказав это, он повернулся и направился к выходу.

Дверь отворилась, и на пороге стоял уже знакомый им мальчуган.

– Господа, проходите!

Войдя в полутемную комнату, они почувствовали запах струганых бревен и воска, в углу находился массивный стол, на котором стоял канделябр на пять свечей, разложены карты и бумаги, чернильный прибор с гусиным пером. Над столом на стене висела икона, под ней горел слабый фитилек лампы. Из полумрака вышел человек.

– Подойдите к столу, господа, а то здесь ничего не видно, – послышался из темноты голос.

Только сейчас они увидели человека, подошедшего к ним.

– Рад, что вы прибыли, господа офицеры, людей и так не хватает, а офицеров тем более, – сказал он.

Перед ними стоял хорошо сложенный человек в мундире с большими золотыми эполетами, ему еще не было пятидесяти лет, но абсолютно седые волосы и пышные, но аккуратно подстриженные усы придавали ему солидности, лицо его было загорелым и мужественным, говорил он тихо, но четко, по-военному. Подойдя почти вплотную к посетителям, он сначала посмотрел на Федора, тот почувствовал, как тело перестало его слушаться, оно стало напряженным, руки вытянулись по швам, а ноги, вернее, каблуки сапог сами шелкнули друг о друга почти одновременно с кивком головы. Алексей мельком посмотрел на брата, у него то ли от страха, то ли он забыл про НП, но лицо стало каким-то не своим, глаза выпученные, прежде свисавший живот теперь был как будто втянут и незаметен. Федор не понимал, что с ним происходит, руки и все тело не слушались его, словно кто-то управлял им извне и действовал по своему усмотрению. Движения его тела и мимика напоминали движения робота, лишь красное лицо и дорожка пота на щеке отличали его от механического человека. Алексей еле сдержался от смеха – вид у брата был смешным.

– Я так понимаю, вы Федор Вячеславович Каретов?

Тот опять кивнул головой и шелкнул каблуками.

– Судя по рекомендациям в письме о вас, господа офицеры, их превосходительство Муравьев Николай Николаевич рекомендует вас с наивысшей похвалой и просит меня содействовать вам в вашей миссии, – сказал Завойко. Он все продолжал смотреть на Федора, как будто, кроме него, никого не было. Губернатор подошел к столу. – Не буду вам говорить о международной обстановке, вы и сами все знаете. Нам надо к защите города готовиться, поэтому приказываю вам вместе с поручиком Гезехусом Карлом Яковлевичем заняться фортификационными работами, укрепить оборону, определить, где лучше поставить артиллерию. Все, что

необходимо для этого, вы получите по возможности. Гарнизон и горожане помогут вам. – Он говорил тихо, но голос его звучал в комнате, где царила тишина, как набат.

После этих слов Федор понял, что прием для него закончился, он щелкнул каблуками и кивнул головой, развернулся и вышел из помещения.

Алексей собрался было последовать за братом, но услышал голос губернатора:

– А вас, господин Чернов, попрошу остаться.

Алексей, вспомнив такие же слова из фильма про Штирлица, улыбнулся про себя. Подойдя к Алексею, губернатор также пристально посмотрел на него, глаза как буравчики сверлили его взглядом. Тело у Алексея напряглось, но, вспомнив слова Тихона про НП, он постарался расслабиться.

Губернатор указал рукой Алексею на стул, который стоял рядом.

– Хочу дать вам деликатное поручение. – Генерал прошел до входной двери и плотно прикрыл ее, немного помолчав, видимо обдумывая, продолжил: – Последние полгода стали происходить необычные вещи: пропадают охотники, матросы. Я посылал туда казаков, чтобы найти хотя бы останки или какие-то следы, но найти никого не удалось. Странно, не правда ли? У нас, к сожалению, гибнут люди в течение года, охотники на промыслах морского зверя, бывает, что сразу много, но это охота и есть свидетели. Люди умирают от болезней, происходят несчастные случаи, и везде есть причина и следствие, а здесь нет. Можно было подумать и на дикого зверя, но все это происходит в одном месте. – Губернатор подошел к столу, на котором лежала карта, и показал на ней место, отмеченное кружком: – Вот здесь!

Алексей встал со стула и посмотрел на карту, именно туда, куда указывал генерал.

– В общем, Алексей Иванович, разберитесь с этими случаями пропажи людей, через каждые пять дней присылайте донесения, как проходит расследование, при необходимости, если будет сильная потребность в помощи, обращайтесь, полиция, жандармерия и казаки вам помогут, распоряжения на этот счет я уже сделал. Своего писаря Прохора я вам командирую, отрок он смысленный, знает два языка, поможет вам добраться до гостиницы, через него присылайте донесения. Акакий Матвеевич ждет вас. Не смею больше вас задерживать, обустройтесь и приступайте к службе. – С этими словами губернатор подошел к иконе и перекрестился.

Алексей, щелкнув каблуками и кивнув головой направился к выходу. Глядя на уходящего офицера, губернатор подумал: «Ничего, скоро дворцовая пыль сойдет с них, и все будет хорошо, а вообще офицеры подходящие».

Выйдя на улицу, Алексей увидел Свету, стоявшую возле телеги и разговаривающую с мальчишкой, по-видимому Прохором, о котором говорил губернатор.

Оглядевшись по сторонам и увидев брата, Алексей направился к нему:

– Ну как, Федя, твоя должность?

– А, что должность? – ответил он. – Полный пипец, учитывая мой вес. Ты горы и сопки здесь видел? Вот и представь, как я по ним буду бегать... туда полдня и обратно, – ответил уныло Федор. – Сдохну здесь, ей-богу! Как там губернатор говорил, что помогать буду офицеру по фортификационным работам. А ты знаешь, что это такое? Это строительство укрепленных оборонительных объектов, – продолжал он. – Вот и я про это. Дай сигарету!

Алексей вытащил из пачки сигарету и дал брату:

– Ты же не куришь?

– Закуришь здесь с такими делами, – ответил он, затягиваясь с наслаждением, но, тут же закашлявшись, бросил ее на землю и, наступив сапогом, растоптал. – Да, не идет мне курево чего-то. А что у тебя, Леха, что будешь делать в новой должности? Кем будешь? – продолжал брат забрасывать вопросами.

– Да я и сам не знаю кем...

Алексей передал беседу с губернатором, Федор, не перебивал, слушал внимательно.

– Ну и дела, – протяжно сказал он после того, как закончился рассказ. – Я так понимаю, ты будешь все в одном флаконе: разведка, контрразведка и уголовный розыск, – сказал он с иронией.

– Учитывая наше назначение и события, которые ожидаются, судя по всему, обстановка скверная, раз вызвали нас, то есть тех офицеров, которых мы представляем. Значит, надо вникать во все быстрее, – продолжал рассуждать Федор.

– Для начала не паниковать, вспомни фильмы, которые ты смотрел о разведчиках, о ментах... и вообще, у нас есть проводник, уверен, он нам поможет.

– Да, но я и уголовный розыск и разведка. Это полный бред, – сказал растерянно Алексей.

– Ты прав, как и я – офицер по фортификационным работам, а что ты предлагаешь? Сидеть и ныть? Нет, брат, у каждого есть миссия на земле, и в данный момент это наша задача, которую мы должны выполнить, или грош нам цена, – продолжал философствовать Федор. – Давай на сегодня мы не будем забивать себе головы этими проблемами. Во-первых, мы все устали, во-вторых, хочется есть, да и Светка твоя уже замерзла, пока мы здесь с тобой рассуждаем.

– Ну да, – пробурчал Алексей, и ребята направились к телеге.

Светка действительно озябла, увидев, своего суженого, обняла его и, взяв под руку, прошептала:

– Соскучилась по тебе, продрогла немного и спать хочется.

– Сейчас приедем, милая, – ответил Алексей.

Ребята уселись на телегу, тронулись в путь. Ехали молча, правда, Федор успел задать один вопрос мальчишке, который правил повозкой:

– Далеко ехать-то?

– Нет, скоро приедем, – услышал в ответ и стал дремать, немного покачиваясь в такт везущей их телеге.

Глава 5. ВСТУПЛЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

Ехали действительно недолго, как оказалось, дорога от губернаторского дома до гостиницы была прямой, и на ней почти не трясло, потому что ее умостили досками и камнями, посыпанными песком. Телега остановилась возле двухэтажного деревянного бревенчатого дома, форма которого напоминала большую букву П. Возле ворот стояли люди, среди которых выделялся плотный мужчина невысокого роста, он давал указания прислуге, те уходили сразу в дом, выполняя его распоряжения. В доме царил суеда. «Не спится ведь в такое время кому-то», – подумал Алексей.

– Все, приехали, – сказал Прохор. – Буду завтра утром, ваши благородия, до свидания! – Сказав это, он ловко развернул телегу, запрыгнул на нее и отправился в обратный путь.

Прибывшие стояли на узкой дорожке, по которой навстречу к ним шел мужик с окладистой бородой. Подойдя к ним, незнакомец слегка поклонился и сказал:

– Доброй ночи, господа, разрешите представиться, Громов Акакий Матвеевич, хозяин всего этого. – Он показал в сторону дома. – Прошу вас отведать угощение и принять мое радушие. – С этими словами он повернулся и направился по дорожке к дому.

Гости проследовали за ним. Зайдя в дом, они почувствовали запах свежее испеченного хлеба, соломы, коровьего молока. Алексей про себя улыбнулся, подумав: «Как в детстве в деревне». У лестницы, ведущей на второй этаж, стояли девушки, одетые в сарафаны с вышивкой. Две девушки держали канделябры на пять свечей, отчего в помещении было светло. Они смущались и краснели под взглядом Федора, который смотрел на них пристально, томным взглядом.

Акакий Матвеевич делал какие-то указания домашней прислуге, потом окликнул:

– Марфа, Дуня, где же вы? Покажите господам, где они будут располагаться, и помогите барышне. Господа, завтра познакомимся поближе, ужин принесут через час. – С этими словами он удалился.

Две девушки Марфа и Дуня, взяв канделябры, пошли по лестнице наверх, господа последовали за ними, следом прислуга несла их вещи.

– Здесь батюшка закрыл вход, так что господа офицеры будут заходить во флигель с улицы, и вам никто не помешает, вы будете одни, – пролепетала одна из девушек.

Светка, обычно молчаливая, неожиданно спросила:

– Девушки, а вы близняшки?

Они, как по команде, кивнули.

– Я Дуня, она Марфа, еще есть старшая сестра Елизавета, она у нас строгая, – продолжала разговорчивая Дуня.

– Господа офицеры и еще капитаны судов, чьи корабли стоят в порту, обычно снимают флигель у батюшки, – пояснила Дуняша.

– Все понятно, – улыбаясь, ответила Света.

– Проходите, господа, – продолжала суетиться Дуняша.

Зайдя во флигель, Дуня и Марфа поставили на широкий длинный стол канделябры и продолжили руководить прислугой, куда и что разместить из вещей. Светка подошла к уже ставшей своей Дуне и что-то шепнула ей, та кивнула в ответ, и они вышли. Помещение представляло собой трехкомнатную квартиру, сразу при входе комната являлась гостиной и столовой одновременно, где возле окна стоял стол со скамейками, в углу весела икона с лампадкой. В противоположной стороне комнаты находилась печь, на ней стоял таз и в нем большой фарфоровый кувшин. Слева Федор увидел дверь, ведущую в другую комнату, он вошел в нее, осмотрев комнату и большую кровать у окна, потрогал подушки, набитые гусиным пухом, остался доволен. В углу стоял шкаф. Открыв его, он изумился: там на полках лежало белье его размера – трусы, футболки, носки и все то, что в современном мире имеется у мужчин, вплоть до парфюмерии.

«Спасибо, Тихон», – мысленно сказал он. Алексей в отсутствие Светки решил заглянуть в комнату справа. Комната оказалась средних размеров, в ней стояла кровать с периной, у окна шкаф и в одном углу небольшой столик с чернильным прибором, все скромно, но как-то со вкусом. Алексей подошел к шкафу, открыл его, и реакция на увиденное была такая же, как ранее у брата. На верхней полке лежало все женское для Светы, на нижней – все для него. Алексей взял в руки крем после бритья, усмехнулся.

– Опять проделки Тихона, спасибо друг, – сказал он тихо вслух.

Федор заглянул к брату.

– Как тебе подарок Тихона? – спросил он. – Да, молодец, очень неожиданно и все нужное, как оказалось.

– А ты как устроился, все нравится?

– Да, все нравится, как раз квартирка для меня, – ответил Федор.

– О чем вы здесь опять спорите? – спросила Светка, вернувшись откуда-то.

– Да вот обсуждаем подарок Тихона. – Сказав это, Алексей показал на шкаф.

Светка подскочила быстро к шкафу, и что здесь началось! Она от удивления вскрикнула, повторяя почти одно и то же:

– Какой молодец Тихон, какой молодец! Спасибо тебе огромное.

– Света, Света, успокойся, пожалуйста, скажи, куда ты ходила. И что ты хотела сказать нам?

– Да-да-да, сейчас скажу, – продолжала возбужденно говорить Светка. – У Акакия Матвеевича была сегодня баня для домочадцев, он предложил сходить в нее, она еще теплая,

париться нельзя, но помыться можно, воды теплой много, я была там и все увидела. Ну как, идем? – обратилась она к ним.

– Что за вопрос, конечно же идем. – С этими словами Федор вышел из комнаты.

Светка подошла к Алексею, поцеловала его в губы, прошептав:

– Я люблю тебя, Лешенька.

– Я тебя тоже люблю, – ответил Алексей, обнял и прижал к себе Светку.

Баня, вернее, две бани стояли на заднем дворе гостиницы. Первая предназначалась для прислуги, вторая – для домочадцев и самого Акакия Матвеевича.

– Вам сюда. – Светка показала на большую баню. – А мне туда. – И она направилась в малое строение.

– Освоилась твоя Светка быстро, скоро поклоны раздавать будем.

Федор зашел в баню, Алексей за ним. Банными делами занимались около двух часов. Федор плеснул на камни черпак воды, от них пошел легкий пар и жар.

– Посидим немного, это полезно.

Так и просидели, периодически выходя в предбанник, чтобы немного отдохнуть от жары. Потом обливались холодной водой, и время прошло незаметно. Спасибо Тихону, что позаботился о шампуне и мочалках. Состояние было как у заново родившихся, легко телу и душе. Придя во флигель после бани, они увидели накрытый стол: вареное мясо, немного белого хлеба, жареная рыба и кувшин молока.

– Что, спать? – спросил Федор, зевая после ужина.

– Да, пора, – ответила Света, направляясь в комнату.

Марфа и Дуня уже сустились возле стола, собирая посуду и унося канделябры. Алексей провалился сразу в глубокий сон, Светка пыталась обнимать и ласкать его, но он уже ничего не чувствовал, только ровное и спокойное сопение Алексея слышалось в ночной тишине. Алексею снился сон: очутился он где-то в лесу на поляне, все в ярких красках, щебечут птицы, воздух наполнен приятными запахами леса, травы, меда и даже ладана. На середине поляны стоит пень, на нем сидит старик, одетый в холщовую рубаху и штаны, на ногах лапти из лыка, перевязанные крест-накрест до колена оборами – шнурками, скрученными из того же лыка, из которого изготовлены и сами лапти. Чем ближе подходил Алексей к старику, тем больше хотелось плакать от радости и что-то рассказать этому старче. Алексей чувствовал себя как ребенок, который ушибся, играя на улице, и, рыдая, идет к маме, чтобы та пожалела его. Подойдя к старику, Алексей упал на колени, слезы сами текли по щекам его.

– Отче! Отче! Родной мой отче! Прости раба твоего! – продолжал, плача, говорить Алексей.

У старика длинные седые волосы, такая же белая борода и брови. Он посмотрел на Алексея ласковым взглядом, в котором отражалась синь небес. Алексей не мог оторваться от этого взгляда.

– Встань, Лешенька, встань, отрок мой, – сказал старик добрым голосом. – Все твои страхи, все твои огорчения и радости – это и есть жизнь. «Я знаю, о чем ты меня хочешь спросить, не поддавайся своим страхам, ибо, впустив их в душу, ты не сможешь их выгнать оттуда. Пусть они развеются у порога твоего дома. На все воля Божия. Ты добрый человек, и пусть твоя доброта всегда будет с тобой. Будь тверд в своих решениях. И помни: я везде и во всем. В твоей службе на благо России-матушки помогут все святые!»

Сказав это, он плавно поднял руку, медленно очертил ей в воздухе фигуру в виде круга, и неожиданно появился маленький золотой шарик, он висел в воздухе в трех метрах от старика, на уровне роста Алексея. Шарик стал очень быстро крутиться на месте, его границы расширялись все больше и больше, переливаясь бирюзовым и золотым цветом. Алексей стоял в оцепенении. Затем шар перестал расширяться, и внутри него появилась прозрачная, как стекло, стена. Старик пригласил Алексея к этой стене, там внутри оказалось большое поле. Лето. На

зеленом травяном ковре стоял строй русской дружины, одетый в броню, кольчугу и сфероко-нические шлемы, все это сверкало на солнце золотом и серебром. Пики, возвышающиеся над головами воинов, однотипные конусообразные щиты, обтянутые окрашенной красной кожей, по краям которых шли металлические пластины с рисунком в центре. Из вооружения имелись мечи в ножнах на поясах у дружинников. Все выглядело торжественно и парадно, но в то же время вызывало тревогу. Перед воинством стоял мужчина, облаченный в такие же доспехи, как и дружинники, только отличался он тем, что броню украшали накладные толстые пластины из золота с изображением какого-то зверя или птицы, а на голове его была золотая, полусферической формы шапка с опушкой из собольего меха, небольшой наконечник по центру венчал золотой крест. Весь головной убор был украшен жемчугом, драгоценными камнями, через плечо крепилась поверх доспехов длинная накидка красного цвета, расшитая золотом, которая почти касалась земли. Алексей не видел лица этого мужчины, видимо князя или какого-то военачальника: он стоял спиной к нему, изредка поворачиваясь вполборота. Алексей прислушался, о чем говорил князь: *«Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело – остерегаться самому, то божие сбережение лучшие человеческого».*

– Да это же Владимир Мономах! – воскликнул Алексей.

Правление князя привело к усилению политического влияния Руси, расцвету культуры. Владимир был талантливым человеком, ему принадлежит «Поучение Владимира Мономаха детям». Это не только рассказ о жизни князя, но и мудрые советы потомкам о том, как должно управлять. Алексей смотрел пристально на князя, но стекло стало исчезать, а вместе с ним все то, что было за ним. Только голос Мономаха прозвучал как набат колокола: *«Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет...»*

– Лешенька, Лешенька, вставай, просыпайся, милый, – продолжала мурлыкать Светка, целуя его. – А то тебя все заждались.

– Кто заждался? – спросил Алексей, но Света уже вышла из комнаты.

Алексей встал, оделся, увидел на столе кувшин с водой и тазик, умылся, вытер лицо полотенцем. За столом в гостиной уже сидели Федор, Светка и Тихон. Они бурно что-то обсуждали.

– Привет всем! – Алексей подошел к Тихону и пожал ему руку.

– Ну ты и спать горазд, братец! – сказал Федор, поедая вареную оленину. – Уже два часа дня. Смотри, какой пир закатил нам Акакий Матвеевич.

– С чего такая щедрость? – спросил Алексей.

– По случаю вашего вступления в должность, да и Акакию Матвеевичу я обещал китового мяса заготовить, – ответил Тихон.

«Все-таки коммерция превыше всего», – подумал про себя Алексей, усмехнувшись. На столе действительно было много вкусного, начиная с мясной похлебки в глиняных горшочках и заканчивая толстыми кусками оленины, красной рыбы, черного хлеба, сала и большой плоской красной икры. Замыкали это пиршество черемша, засоленный папоротник и два графина – с водкой и какой-то наливкой. Алексей стал жадно есть похлебку, она пришлась ему по вкусу, и здесь он заметил, что все смотрят на него:

– Что?

– Проголодался ты, братец, даже не видишь нас, – прокомментировал Федя.

Тихон разлил из графина водку по рюмкам:

– За нас, друзья мои, чтобы у нас все получилось!

Выпив водки, Алексей продолжал есть, а Тихон, вытащив трубку, закурил и наблюдал за своими друзьями.

– Насытились, ребята, теперь и о делах можно поговорить. – Сказав это, Тихон пустил колечко табачного дыма. – С тобой, Федор, все проще, завтра поедешь со мной к мастеру, будем приводить тебя в хорошую физическую форму, так что к утру будь готов.

– Подожди, как это будь готов и почему у тебя все так быстро, Тихон? Я же назначен... как это... – Федор стал вспоминать слово.

– По фортификационным работам, – ответил за него Тихон.

– Я знаю, но время бежит неумолимо, а сделать предстоит многое, поэтому вы оба нужны мне в отличной физической форме, с превосходными навыками владения холодным оружием, тактики и стратегии ведения боя, и все это надо будет сделать за короткое время. С тобой, Алексей, сложнее, ты будешь не только заниматься физической подготовкой, но и вести расследование, но ты справишься, я в этом уверен. Заниматься твоей подготовкой буду я сам, на время вашего обучения я воспользуюсь на короткий срок своими способностями. Тебе, Алексей, это поможет быстро находить общий язык с теми, кто тебе при расследовании будет необходим. Воспринимать тебя все будут так, как будто давно знают, но это на короткий срок. Успей максимально узнать главное, и лишь от тебя зависит то, как ты завяжешь с этими людьми отношения, чтобы по истечению моего воздействия на них они так же доверительно продолжали с тобой общаться. Вот вроде бы и все.

Тихон постучал курительной трубкой по столу, собрал пепел и остатки использованного табака в ладонь, положил его в карман вместе с трубкой.

– И еще, использование вами гражданской одежды и осторожность со стороны губернатора подтверждают мою версию: в городе орудует группа шпионов, хотя может быть и одиночка.

– Так уж и шпионов? – спросил удивленно Алексей.

Тихон усмехнулся:

– А как ты думаешь, учитывая ситуацию и пропажу людей, да и те, что пропадают, не просто обычные люди, но в своей сфере высочайшие профессионалы. Вот тебе список пропавших, прочитай, кем они были, и ты поймешь, что это целенаправленная акция по их уничтожению. Об одном прошу тебя – будь осторожен! В большей степени англичане, да и французы тоже мечтают повторить здесь то, что они делали для покорения Индии, но меньшими силами и с меньшими потерями, так сказать, одержать молниеносную победу, поэтому для них все средства хороши, начиная с подкупа и заканчивая убийством. Тебе в помощники я завтра пришлю двоих людей, они будут помогать и охранять тебя.

– Интересно, как это будет выглядеть? – пробурчал тихо Алексей.

– Разберешься, – ответил проводник.

– Там, кстати, Прохор внизу тебя ждет, он покажет тебе город, можешь приступить к работе. Ладно, ребята, мне пора, до завтра. – С этими словами Тихон вышел из комнаты.

— Да уж, – тихо и протяжно промолвил Федор.

– Кто со мной на прогулку по городу пойдет? – спросил Алексей.

– Это не для меня, давай сам, а я пойду полежу на кровати, с завтрашнего дня неизвестно, буду ли я высыпаться. – И Федор направился в свою комнату.

– Я с тобой пойду, Лешенька, – проворковала Светка.

Прохор стоял у запряженной в телегу лошади:

– Добрый день, господа.

– Здравствуй, Прохор, – приветствовала его Светка. – Покажешь нам город?

– Покажу, – ответил мальчишка.

– Только у меня просьба к тебе, здесь порт и город недалеко, может, пешком пройдемся?

– Можно и пешком, но сначала надо доехать до города, а то лошадь распрягать придется, – ответил как-то недовольно Прохор.

Доехав до города, Прохор остановил телегу и привязал лошадь к коновязи рядом с каким-то домом. С Авачинской бухты подул легкий ветерок, солнце начинало припекать, но палящего жара не чувствовалось.

– Как замечательно здесь! – воскликнула Светка.

Только сейчас весь город был виден, как на ладони. Крик чаек напомнил им, что это портовый город. Алексей смотрел и удивлялся тому, что все дома были деревянными и выстроены добротно, различие было в том, что одни дома с крышами, крытыми железом, другие просто из плетеной соломы или камышового тростника.

– Вон там, – Прохор показал рукой, – стоят дома разных ведомств, а здесь – горожан. Те, которые вдоль берега с правой стороны Петропавловской гавани, это дома морского ведомства, таможни и казначейства, а здесь флигель для офицеров, казарма для нижних чинов, пекарня, торговые лавки, литейный цех и гауптвахта. Да, много чего наш губернатор построил, – с гордостью сказал Прохор. Чувствовалось, что мальчишке нравился губернатор. – От Авачинской бухты Петропавловскую гавань отделяет узкий мыс, который образуют две горы – Никольская и Сигнальная, обе с крутыми обрывами со стороны Авачинской бухты и более пологими склонами к городу, имеющими несколько троп. Склоны гор густо покрыты зарослями кедровника, на Сигнальной находится флагшток, на котором развевается крепостной флаг города, с противоположной стороны Никольская гора спускается к болотистому Култушному озеру. Между озером и горой со стороны берега идет широкая дорога, которая ведет прямо в город. Почти по центру гавани отделяется от бухты узкая песчаная коса, прозванная Кошкой. Южнее Петропавловска есть возвышенность под названием Красный Яр, там находится городское кладбище...

Алексей слушал подробный рассказ мальчишки и внимательно смотрел на те места, которые он указывал. За разговором незаметно они подошли к берегу Авачинской бухты, где местные ребята ловили на донки камбалу.

– Как улов, ребята?

– Во-о сколько! – ответил мальчуган лет пяти и попытался поднять большой и длинный крюк с ручкой, на нем, нанизанная за жабры висела камбала, семь штук; его неразговорчивый старший брат помог малышу поднять их улов с песка.

– Какие молодцы, хороший улов! – промолвил Алексей.

Осмелевший уже мальчик постарше, шмыгая носом, сказал:

– Да ну его, всего боится Митрофан, с ним на большие камни не сходить.

– Сам ты боишься! – огрызнулся мальчуган.

– А что там, на больших камнях? – заинтересовался Алексей.

– Рыбы много, да и большие каменные окуни водятся. Да разве с ним пойдешь? – продолжал говорить с грустью старший брат.

– А как тебя-то величают? – обратился Алексей.

– Григорий я.

– Так почему Митрофан боится идти на большие камни? – продолжал новоиспеченный офицер.

– Ходили мы недавно туда. Вечерело. Потом вдруг неизвестно откуда появились два мужика, вот он и испугался. Непонятно, на чем они приплыли. Ни каяков, ни байдары не было. Мы потом обошли все, но ничего не нашли, – закончил рассказ Григорий.

Алексей чувствовал, что-то важное есть в рассказе ребят, но что?

– Спасибо вам за гостеприимство и за разговор. Вот вам по конфетке.

У Алексея с детства была привычка в кармане носить конфеты, мама всегда давала ему сладкое, так эта привычка и осталась. Алексей развернул конфеты и отдал их детям, а фантики спрятал в свой карман, не то прочитают, что конфеты изготовлены на фабрике имени Крупской, появятся ненужные вопросы. Алексей улыбнулся.

– Даю вам и денежку. – Офицер вытащил из кармана серебряную монету небольшого достоинства и отдал ребятам.

Те даже замерли от неожиданности, взволнованно спросили:

– За что?

– Хочу купить у вас улов, вы не против, ребята?

Мальчишки кивнули в знак согласия.

– И еще, знаете Акакия Матвеевича?

Дети опять утвердительно кивнули.

– Тогда отнесите рыбу его дочкам, Марфе или Дуне, скажите, что для Алексея Ивановича Чернова. Вот и познакомились, – сказал Алексей, улыбаясь.

Только сейчас он заметил, что Светы рядом нет. Посмотрев по сторонам, он увидел свою любимую, оживленно беседующую с какими-то девушками. «Да, – подумал он, – быстро она адаптируется к ситуации».

Ребята побежали вперед, волоча рыбу по песку, издалека Алексей услышал голос Григория:

– Вот рыбу сейчас отдадим и мамку обрадуем.

Они старались идти быстро, но маленький Митрофан явно не поспевал. Алексей смотрел на них с отцовской нежностью, и что-то защемило в душе, захотелось домой, тоска на секунды овладела им, но скоро все прошло. Алексей увидел, что мальчишки подошли к Светке и стали говорить с девушками. Алексей узнал в них Дуню и Марфу. Дуня, улыбаясь, разговаривала с детьми, в руке она держала крюк с рыбой. Мальчишки посмотрели на своего благодетеля, тот в ответ кивнул головой. Радостные ребята побежали в город.

– Здравствуйте, красавицы, – сказал Алексей.

Девушки слегка покраснели и ответили:

– Добрый день, барин.

– У меня к вам просьба, пожарьте, пожалуйста, рыбу... и побольше лука.

– Хорошо, барин, как прикажете, барин. – С этими словами девушки повернулись и направились в сторону дома.

– Что, милый, как твои дела, почему ты грустный?

– Да не грустный я, скорее задумчивый, – ответил Алексей.

– Не переживай, все образуется.

Света взяла его под руку, и они направились обратно в гостиницу. Так и шли молча по дороге, каждый думал о своем. Света продолжала наслаждаться красотами Камчатки и Авачинской бухты, а офицеру канцелярии Его Императорского Величества не давал покоя разговор с мальчишками. От размышлений его оторвала Светка.

– Вот и пришли, – объявила она.

Алексей даже не заметил, как они дошли.

– Да, пришли, – ответил он как-то рассеянно.

– Ты даже не разглядел, как здесь красиво, – продолжала ворковать она. – Здорово, что мы здесь.

Алексей смотрел на Светку, слушал ее и ничего не мог ответить. «Все-таки дуры бабы. Попали в такую ж...у, грубо говоря, а ей все нипочем, где логика? Ей красоту подавай, забыла, что я говорил. Пятнадцать лет здесь прожил, действительно красиво. Или сказать ей, что глупая она?» – мысленно рассуждал Алексей и понимал, что напрасно на нее злится за, как ему казалось, чрезмерную беспечность и легкомыслие. «Нет, лучше промолчу, а то обидится», – продолжал рассуждать он.

– Что ты молчишь, разве я не права?

– Права, милая моя, права— ответил Алексей.

– А что? – продолжала она. – В наше время билет на самолет дорогой, чтобы добраться сюда, гостиница тоже дорого стоит, люди едут в Турцию или еще куда-то. А здесь так красиво, аж дух захватывает, – продолжала восхищаться Светка.

– Да, милая, здесь очень красиво, – согласился он и нежно поцеловал ее.

Немного успокоившись, она ушла в комнату. Алексей, вытащил из кармана листок, который дал ему Тихон, начал читать. Как и говорил проводник, в списке было пять человек с указанием на то, чем они занимались. В списке значились три унтер-офицера, приписанных к разным номерам батарей, участвующих в обороне города, и два охотника, как оказалось при дальнейшем расследовании, одни из лучших стрелков.

«Да, что-то в этом есть, но зачем, для чего? – продолжал он мысленно задавать вопрос. – Создать в городе хаос, панику? Или происходит целенаправленное уничтожение тех, от кого зависит оборона города? Тогда надо убить всех офицеров, но это опасно и точно раскроет планы недругов. Тогда что? Или подготовка к главной цели – губернатор. Как и какими силами будет это сделано до прихода англо-французской эскадры?» Ответа пока не находил Алексей, от размышлений его оторвал Федор. Вид у брата был помятый: воспаленные глаза, щетина на лице, всклокоченные волосы.

– Голова очень болит, – сказал он. – Да и сны какие-то странные, голоса баб в голове постоянно, просто ужасно устал. Закрою глаза, и начинается вся эта хрень.

– Может, съешь чего-нибудь? – спросил его Алексей.

– Нет, спасибо, попью воды и попробую поспать.

Он зачерпнул ковшиком воды из деревянного ведра, отпил пару глотков и пошел в свою комнату.

«Да уж, бедолага», – подумал Алексей.

На улице уже темнело, лай собак и разговоры людей где-то внизу отвлекли Алексея от его мыслей. В дверь постучали, и вошла Марфа, в руках она держала поднос с жареной рыбой, аромат которой заполнил все помещение.

– Марфа, мне положи, пожалуйста, одну рыбу, все остальное на завтра оставь.

Та, кивнув, вышла. Алексей заглянул в комнату, Света спала на кровати, свернувшись калачиком. Поужинав в одиночестве, Алексей решил, что все определится завтра. «Утро вечера мудренее», – подумал он, засыпая. Сон был глубоким и спокойным, и ничто не могло его нарушить. Громкое «ку-ка-ре-ку!» наконец разбудило Алексея. «Вот гад, и не спится этому петуху!» – рассерженно подумал он. «Оторвать бы ему голову!» – продолжал злиться Алексей. Он тихо встал, чтобы не разбудить Свету, быстро оделся и вышел в гостиную. Рассветало. Алексей сел за стол, развернул бумагу и продолжил изучать список. За окном все чаще были слышны голоса людей, лай собак, скрип телег и топот лошадиных копыт. Город просыпался.

Глава 6. ФРЕГАТ

В августе тысяча восемьсот пятьдесят третьего года из Кронштадта на Дальний Восток вышел фрегат «Аврора» с корветом «Наварен», на котором в свое время служил губернатор Камчатки. В Северном море оба судна попали в жестокий шторм. Фрегат и корвет получили серьезные повреждения и вынуждены были встать на ремонт в норвежском порту Кристиансунн, затем продолжили ремонт в английском Портсмуте. Старый корвет не выдержал шторма и продолжить океанское плавание уже не мог, поэтому было принято решение его разоружить, а корпус и рангоут – общее устройство для подъема и растягивания парусов – продать на слом голландцам, желающим его купить, экипаж корвета «Наварен» расформировать и отправить обратно в Россию, за исключением тех специалистов, которые были необходимы в большом плавании и тем более в боевых условиях. Сделав все необходимое для этого, фрегат «Аврора» направился для вынужденной стоянки в английский порт. В Портсмуте, почувствовав враждебное отношение английских властей и понимая, с чем это связано, капитан-лейтенант Изиль-

ментьев Иван Николаевич, командир фрегата «Аврора», принимает решение: после частичного ремонта выходить в Атлантический океан.

Прибыв в Рио-де-Жанейро для короткого отдыха, корабль бросил якорь на стоянку в порту. Отдав распоряжения офицерам и экипажу, которые будут заниматься ремонтом корабля и установкой новой мачты, потому что мачта была сломана при переходе из океана в океан, в сильный шторм и ураганный ветер, капитан сошел на берег со свободными от работы матросами и офицерами. Подойдя к мальчишке, который что-то выкрикивал и предлагал купить у него газету, офицер протянул ему монету и взял газету. Французская газета „Le Figaro“ писала: «Это не победа русских, а кровавая резня».

«Так уж и резня? – подумал про себя командир фрегата с усмешкой. – Bravo, Павел Степанович! Bravo, Нахимов!»

В газете писали о Синопском морском сражении. Содержание статьи сводилось к тому, что русская эскадра под командованием вице-адмирала Нахимова Павла Степановича одержала победу, разгромив турецкий флот и взяв в плен Осман-пашу, адмирала, командующего турецкой эскадрой. Как обычно, в иностранных газетах о России ничего лестного не пишут, но сам факт того, что эскадра русских военных кораблей победила в сражении, никто не мог не признать. Синопская битва 18 ноября 1853 года – последняя в мировой истории победа парусного флота. В дальнейшем в морских сражениях участвовали пароходы. Кроме того, битва при Синопе стала первой морской баталией, в которой эффективно были применены «бомбические» пушки. Вернувшись на корабль, командир объявил о победе черноморцев в Синопском сражении. Под крики «Ура!» «авроровцы» салютовали холостым пушечным выстрелом. В порту были не только торговые суда, но и военные корабли, по их вымпелам можно было определить государства, которым они принадлежали, здесь большинство было английских и французских, а также их союзников. Они понимали, почему прозвучал салют, и проявляли свое недовольство, ругаясь и крича в адрес русского фрегата. За праздничным ужином в офицерской столовой во время дружеской беседы командир объявил о том, что принято решение сделать самый необходимый ремонт, пополнить запасы пресной воды, фруктов и мяса и продолжить переход, чтобы не стать легкой добычей для англичан или французов. Офицеры с пониманием отнеслись к этому сообщению, тем более, что в Рио-де-Жанейро о развязывании войны с Россией говорили как о само собой разумеющемся факте и ждали только главной новости – официальном объявлении войны. Иван Николаевич Изъльментьев был опытным моряком и, конечно, понимал, что приближающееся время весеннего равноденствия – самый страшный момент для парусного корабля при огибании мыса Горн. Однако выбора у капитана не было, меж тем в порт прибывали все новые и новые корабли, и это были не гражданские суда, а военные фрегаты Великобритании и Франции. Их соседство в канун войны было куда опаснее, чем ураганные штормы при переходе из океана в океан. Решение было принято: корабль выходит в море.

Много суток без сна и отдыха командир русского фрегата провел на мостике. Порой дух захватывало при виде того, как убиравшие или ставившие паруса матросы, на головокружительной высоте стремительно раскачивающиеся из стороны в сторону вместе с мачтой, уходили то вниз, то вверх, вместе с кораблем в морскую бездну. Еще немного – и кто-нибудь не удержится на рее и упадет в океан, найдя там свою могилу. Но матросы привыкли к такой работе и службе, делали все быстро и хладнокровно, после выполненной работы ловко спускались на палубу. Западный ветер срывал пену с гребней волн и уносил в даль морскую. Неделю по небу мчались серые тучи, и ветер в такелаже пел как флейты. Тучи весели так низко, что задевали мачты фрегата. Корабль волной и ветром круто креноло, и он долго не мог выпрямиться. Казалось, вот и все! Судьба фрегата решена! Даже опытные, выдавшие все в морском плавании

моряки бледнели. Но проходило еще мгновение, и мачты снова смотрели в небо, а принятая из океана на палубу вода потоками стекала через бортовые шпигаты. К страшным штормам, необходимости лавировать в высокой волне, качке и сырости в помещениях фрегата прибавились вспышка дизентерии, охватившая почти весь экипаж, и начинавшаяся цинга – болезнь, вызываемая острым недостатком витамина С. Корабельный врач дважды в сутки докладывал командиру корабля о состоянии здоровья заболевших. Изыльментьев был морским волком, опытным моряком и обладал большой силой воли, и только такие качества, как целеустремленность, сила духа и вера в экипаж, утвердили его в намерении проходить «мыс бурь» в это время. Цель была одна – выполнить поставленную задачу как можно лучше и быстрее, соединиться с дальневосточной эскадрой до начала войны. Шторма стихли, и казалось, их больше не будет, но на границе трех океанов шторм усилился. Волны сорвали кормовую рубку фрегата и унесли за борт в водную мглу, туда же унесло две шлюпки и путевой компас. И, только зайдя в воды Тихого океана, команда поняла, что порывы ветра и волны стали уменьшаться. Курс был выбран на север. Авралы прекратились, и экипаж получил возможность отдохнуть. Изыльментьев из соображений скрытности решил не заходить в шумный и заполненный кораблями всех наций чилийский порт Вальпараисо, а взял курс на маленький перуанский порт Каллао. В нем он надеялся без проблем, вдали от любопытных глаз дать экипажу отдохнуть, вылечить больных, сменить пресную воду, запастись свежей провизией и предоставить время на ремонт корпуса. В апреле 1854 года потрепанный в штормах фрегат «Аврора» отдал якорь на внешнем рейде Каллао. В обычное время этот порт корабли посещали редко, но сейчас их было видимо-невидимо. Среди множества торговых судов капитан русского фрегата увидел пароход и перуанский винтовой фрегат под вице-адмиральским флагом, и английский корвет, и фрегат под контр-адмиральским флагом. Здесь же в порту стояли французский фрегат и корвет под тем же флагом, что у англичан, были здесь и корветы из Америки и Чили. Вся союзная эскадра находилась здесь. Ни о каком спокойном отдыхе для команды, ремонте и лечении экипажа в таком окружении не могло быть и речи. Изыльментьев с горечью понимал, что как ни старался он уходить от вражеских кораблей, но попал в «осиное гнездо». Судя по поведению встречающегося на улицах местного населения и предложениям командиров военных иностранных кораблей посетить их с «дружеским визитом вежливости», было понятно, что все находится в ожидании чего-то важного. Все мило улыбались сквозь зубы, демонстративно показывая свое дружелюбие, но это все было фальшивым и неискренним. Изыльментьев понимал, что все может измениться в одночасье, как только официально командиры кораблей англо-французской эскадры получат приказ об уничтожении русского фрегата, но пока письменного подтверждения о начале войны не было. А в это время контр-адмирал Дэвид Прайс, командующий англо-французской эскадрой, послал к Панамскому перешейку пароход «Вираго». Туда из Лондона морское адмиралтейство присылало свежую информацию на пакетботах, ее-то и должен был доставить Прайсу военный пароход. Изыльментьев понимал, что, если придется воевать с эскадрой врагов, бой будет неравным и уходить надо отсюда как можно быстрее и скрытно, неожиданно. Но как? – мысленно рассуждал командир русского фрегата. Глядя, как слаженно, без суеты и почти в одном ритме, матросы на палубе занимаются повседневной работой, он заметил, как один матрос, стоя у мачты, пристально наблюдал за происходящим на иностранных военных кораблях. Подойдя к нему, капитан-лейтенант коснулся рукой его плеча, матрос от неожиданности вздрогнул, но, увидев командира, вытянулся и встал как столб.

– Вольно! – скомандовал Изыльментьев. – О чем задумался, братец? – спросил он у растерявшегося матроса. – Отлыниваешь от работы или какие мысли одолевают, вон как наблюдаешь за иностранной эскадрой! – продолжал командир забрасывать вопросами и без того уже в конец смутившегося подчиненного.

– Никак нет! – отчеканил матрос. – Виноват, ваше высокое благородие, господин капитан-лейтенант, вот смотрел, ежели чего, то можно двумя залпами потопить их фрегат!

– Как это двумя залпами? – удивленно спросил командир.

– А вот как, они все равно будут в линию становиться, вот здесь и вдарить надо, чуть выше ватерлинии и ближе к пороховому погребу, – продолжал матрос, показывая рукой на английский фрегат.

– Хорошая идея, а как если не попадешь?

– Как не попаду?! – Заметно было, что матрос даже обиделся на такой вопрос командира.

– Ну что же, хорошая идея, но сейчас ремонтом заниматься надо, сам все знаешь, братец, – ответил Изыльментьев, улыбаясь.

Он сразу узнал этого матроса, это был старослужащий, служивший уже пятнадцать лет на военном флоте. У командира фрегата была феноменальная память и всех своих подчиненных он знал пофамильно и в лицо. И этот матрос был ему знаком, звали его Иваном, а фамилия его была Петров. Он был унтер-офицером и приписан к одному из орудий фрегата, где на учениях в Балтийском море проявил мастерство в стрельбе по плавучим плотам с мишенями.

– Да и еще, возьми двух матросов, через тридцать минут жду вас на этом месте.

– Слушаюсь! – ответил Петров и бегом направился выполнять приказ командира.

А в это время, пока командир фрегата вел беседу со своим подчиненным, к нему подошли старший офицер, капитан-лейтенант Михаил Петрович Тироль, и корабельный врач Виталис Вильчковский. В своих записях врач фрегата «Аврора» писал: «Несмотря на всевозможные старания господина капитана и рачительный надзор за гигиеною экипажа, состояние здоровья его стало заметно хуже, сильные ревматические боли суставов, поражения десен, страдания катарально-ревматические органов грудных и всеобщая усталость явно указывали на проявляющийся скорбут». При том и число больных начало увеличиваться, скоро лазарет не был в состоянии вмещать больных, отдана была для них батареинная палуба, где и устроили лазарет. Число больных увеличивалось, это не обошло стороной и командира корабля. Как ни старался он, не подавал виду и держался, как и подобает офицеру и командиру корабля, но болезнь брала свое. Вытащив из кармана платок и прикоснувшись к губам, он увидел на нем кровь. Десны кровоточили, и изматывающая боль во всем теле не давала в полной мере выполнять обязанности командира фрегата.

– Михаил Петрович, подойдите, пожалуйста, – обратился капитан к старшему офицеру. – Письменный приказ и мои распоряжения все в судовом журнале отмечены, принимайте командование кораблем и еще матроса Петрова с его товарищами отправьте в команду под началом мичмана Попова. Задание покажется необычным, но суть понятная, надо распространить слухи, что русский фрегат надолго задержится. Ремонт потребует минимум месяц пребывания в порту. Вон они все смотрят на нас в подзорные трубы. – И он показал рукой в сторону иностранной эскадры. – Каждый наш шаг под пристальным взглядом, поэтому... – Изыльментьев немного помолчал, вытащил из кармана две монеты. – «Надо создать полную уверенность у врагов в том, что мы никуда не спешим и ни о чем не подозреваем. Самим же делать ремонт внутри корабля быстро и исправно, на верхней палубе медленнее днем, а вечером главный ремонт. Я знаю, что вы уже обследовали близлежащие острова и нашли необитаемый островок, поэтому надо свезти всех больных туда, подальше от лишних глаз, и посадить их на усиленное питание, дать им отдых и добиться выздоровления. Ответственным за это поручение назначаю корабельного врача Виталиса Вильчковского. А это передайте мичману Попову. – И капитан протянул деньги новому командиру фрегата.

– Это средства на дело, а не на пропой. Пусть со своей командой походит по городу, поговорит с местными, зайдет на рынок, приценится как бы по закупке фруктов для фрегата, пусть пообедают в трактире, там всегда много народа, офицеров с эскадры и матросов хватает со всех кораблей, а также «специально подосланных», вот на них и надо делать упор, чтобы они услышали вести от наших моряков. Это будет естественно и правдиво. Да и без драки пусть все обойдется, это приказ. За каждую монету по приходу команды на корабль мичман в пись-

менном виде отчитается, так и передайте. Командам, которые занимаются закупкой провизии и заменой пресной воды, а также закупкой такелажа для ремонта фрегата, передайте то же самое, слухи о нашем долгом стоянии в порту должны облететь всех быстро. Пусть бдительность наших «друзей» поубавится. Главное – выиграть время!» – Сказав это, капитан-лейтенант направился в свою каюту.

Корабельный врач, видя, как командиру тяжело идти, хотел помочь, но услышал жестко сказанные слова:

– Оставьте, я сам!

Не решился перечить командиру, остановился.

Каллао представлял собой город, переходящий плавно в порт, где границы между городом и портом не было. Множество разных лавок, больших и маленьких, все шумело и гудело как в пчелином улье. Здесь продавцы своими зазывающими криками предлагали все, начиная от свежей рыбы, фруктов и овощей, заканчивая всякой мелочью, вносили какое-то разнообразие и праздность. У причала тесно стояли корабли разного назначения: были баркасы, бриги, яхты, шхуны, фрегаты, мачты которых торчали как пики, и простые рыбацкие лодки. По всему берегу росли высокие пальмы. На гористой скальной местности, возвышающейся над портом разноцветным ярким ковром, расположилось все многообразие флоры Каллао. Все цвело и пахло дурманящими, сладкими запахами, в низинах и на холмах росли разнообразные по внешнему виду и высоте пальмы в окружении цветущих кактусов. И среди этой красоты плотно друг другу стояли одноэтажные дома, сделанные из глины или кирпича, отличающиеся только тем, что крыши были покрыты глиняной черепицей или плетеной соломой. Вся близлежащая территория порта была окружена этими жилыми строениями и напоминала иллюстрацию к красивой сказке. Команда под началом мичмана Попова была уже в порту, и он знал о наказе командира корабля. Выполняя приказ, он со своими матросами неспешно и деловито подходил к лавкам, где продавали фрукты, непринужденно заводил разговор. Располагая к разговору продавца, прицениваясь к овощам и фруктам, давал понять, что если сойдется в цене, то закупят для всего экипажа фрегата, разогревая тем самым интерес продавца. Матросы в это время разбрелись по другим лавкам, всех пронырливее оказался матрос Пирогов. Надо сказать, что матросы Петров, Пирогов и Лавров, бывшие в звании нижних чинов – унтер-офицеров, выделялись на общем фоне всех находившихся в порту людей своим высоким ростом. Они были статными, крепкого телосложения, с сильными руками, их усатые лица были загорелыми. Весь вид этих матросов, конечно, не мог не привлечь внимание местных девушек, которые торговали здесь фруктами и разной необходимой мелочью. В окружении местных красавиц матрос Пирогов помогал разгрузить тележку с фруктами, привезенными на продажу. Девушки улыбались и говорили на своем языке, он их не понимал, и они переходили на язык жестов. Со стороны было забавно наблюдать за этой сценой. Всем было весело. Подойдя к этой компании, мичман Попов с матросами Лавровым и Петровым некоторое время наблюдали за происходящим, пока одна из девушек не заметила обращенные на нее взгляды русских военных. Разговор умолк. Матрос Пирогов вытянулся в струну.

– Ваше благородие, господин мичман, вот помог барышням! – как-то виновато сказал матрос подошедшему к нему офицеру.

– Вижу, молодец!

Приветствуя девушек, он обратился сначала на английском, потом на французском языке и услышал ответ на французском.

Немного пообщавшись на родном языке одной из девушек, сказал матросам:

– Пора, братцы!

Француженка, подойдя к тележке, накрытой плетеным из листьев пальмы тентом, вытащила из нее большую корзину с фруктами и глиняную бутылку вина, протянула их офицеру, сказала, улыбаясь:

– Примите, господин офицер, этот скромный подарок в знак благодарности за помощь.

Мичман повернулся в сторону матроса Пирогова и промолвил на французском языке:

– Мадмуазель, будет справедливо, если вы отдадите свой прекрасный подарок самому «виновнику», тому, кто вам помогал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.